

Н. ЛЬВОВСКИЙ
КАЛМЫКИ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ
ГУБЕРНИИ

A $\frac{235}{130}$

A $\frac{235}{130}$

—

~~А 230~~ А $\frac{235}{130}$

КАЛМЫКИ

БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКАГО УЛУСА

СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

И. Львовскаго.

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія Императорскаго Университета.

1894.

2010456453

A $\frac{235}{130}$

КАЛМЫКИ

Предисловіе.

БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКАГО УЛУСА

СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1893.

КАЗАНСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТА

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Декань Д. Бѣляевъ.

47812-0

Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.
1883

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ документовъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи личныхъ наблюденій во время поѣздки въ калмыцкія степи, Ставропольской губерніи, лѣтомъ 1892 года, а также на основаніи рукописныхъ дѣлъ, хранящихся въ канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, протоколовъ Андреевскаго Братства и Статистическаго Ставропольскаго Губернскаго Комитета. Изъ дѣлъ канцеляріи главнаго пристава мною просмотрѣно 115; протоколы Андреевскаго Братства прочитаны за послѣдніе 3 года; бумаги Ставропольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета просмотрѣны за послѣднее пятилѣтіе. При составленіи очерка я прѣслѣдовалъ одну цѣль: собрать свѣдѣнія самыя свѣжія и достовѣрныя.

Гермономъ Меводій.

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ КАЛМЫКОВЪ

Большедербетовскаго улуса Ставропольской губернии. Постепенное гражданское развитіе улуса и образованіе въ немъ поселка для крещеныхъ калмыковъ; послѣдняя реформа Большедербетовскаго улуса.

Въ Юань чао миши, или секретной лѣтописи династіи Юань въ Китаѣ, повѣствуется, что на рѣкѣ Онань, по опредѣленію Неба, явились Бурый волкъ (мущина) и Сивая лань (женщина). Отъ этой брачной четы чрезъ 12 поколѣній произошелъ мальчикъ Темучанинъ или Чингисъ, который въ 1201 году по Р. Хр. былъ провозглашенъ ханомъ и съ тѣхъ поръ сталъ называться Чингисханомъ. Съ достиженіемъ ханскаго достоинства Чингисханъ начинаетъ все болѣе и болѣе усиливаться. Въ очень скорое время онъ покорилъ сосѣднія царства Кидань, Наймановъ и другихъ. Не довольствуясь покореніемъ сосѣдей, онъ перенесъ свое побѣдоносное знамя и за предѣлы Азіи въ Европу. Въ 1224 году его полчища подъ начальствомъ Батгя разгромили русскія княжества и покорили всю тогдашнюю Россію его власти.

Тотъ же воинственный духъ Чингисханъ заповѣдалъ и своимъ преемникамъ. Послѣдніе, окснчательно покоривъ народы центральной и восточной Азіи, образовали Китайскую имперію, во главѣ которой стали монголы, и ихъ ханы были императорами подъ именемъ династіи Юань. Позже начались междоусобныя войны среди монголовъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ частныхъ владѣльцевъ стали искать или независимости отъ своихъ хановъ, или покровительства сосѣднихъ державъ. Эти междоусобныя распри скоро ослабили и обезсилили нѣкогда славное царство Чингиса.

Четыре рода: Зюнгарскій (Джунгарскій), Дёрбетскій, Торготскій и Хошотскій, желая сохранить остатки своего могущества, заключили между собою союзъ и съ этого времени стали именоваться „Дёрбетъ-ойраты“ (четыре соединенные). Во главѣ союза стали ханы Зюнгарскіе; но въ XVI вѣкѣ между Ойратами произошли несогласія, бывшія причиною того, что нѣкоторыя поколѣнія и роды откочевали на сѣверъ къ предѣламъ Томской и Енисейской губерніи и такимъ образомъ отдѣлились отъ союза, за что и получили названіе „Элѣтъ“ (отдѣлившіяся) или „Элѣтъ-ойраты“. Калмыки называютъ себя „Хяльмикъ“ что значитъ также „отдѣлившіяся“. Элѣты или калмыки, по всей вѣроятности, пришли въ Сибирь съ цѣлію поселиться на правахъ самовластія; но такъ-какъ Сибирь тогда была уже покорена Россіи, то они обратились въ царствованіе Михаила Θεодоровича съ миролюбивыми заявленіями. Первыми послали пословъ въ Москву тайши Богатырь и Каракула и, согласно своему желанію, получили грамоты на подданство Россіи. Должно быть, эти грамоты не понравились калмыкамъ, потому что они вскорѣ послѣ сего откочевали на юго-западъ; а около 1630 года снова явились подъ начальствомъ хана Хоурлюка въ числѣ 50,000 кибитокъ и заняли мѣсто Золотой Орды по рѣкамъ Яику (Уралу) и Волгѣ до Самары. Въ то же время они покорили своей власти тагаръ Ногайскихъ, Едисанскихъ и Юрговскихъ, которые считались данниками Россіи.

Самовластно вторгнувшись въ предѣлы Россіи, калмыки хотѣли образовать самостоятельное или независимое государство. И дѣйствительно, при ханѣ Хоурлюкѣ они были независимы. Послѣ смерти Хоурлюка, въ 1655 году 4 февраля шертною грамотою (присягою), данною Русскому Царю Алексѣю Михайловичу, калмыки во главѣ со своимъ тайшой Шукуръ-Дайчингомъ, сыномъ Хоурлюка, признали себя данниками Россіи, при чемъ Шукуръ-Дайчингъ былъ возведенъ въ достоинство хана и намѣстника калмыцкаго народа.

Послѣ сего до самаго 1771 года калмыки находились въ подданствѣ Русскому Царю, но управлялись своими родовыми начальниками. Въ 1771 году калмыки въ числѣ 30,000 кибитокъ убѣжали изъ Россіи въ Монголію со своимъ ханомъ Убаши. Съ побѣгомъ Убаши званіе хана и намѣстника калмыцкаго народа было упразднено и каждый оставшіяся владѣлецъ

завѣдывалъ своимъ улусомъ подъ непосредственнымъ надзоромъ русскихъ чиновниковъ. Послѣ сего важнаго событія калмыки въ количествѣ одного улуса, Большедербетскаго, переселились изъ степей Астраханской губерніи на земли, принадлежащія войску Донскому, гдѣ и оставались до 1800 года. Въ 1800 году они обратно переселились на прежнія кочевья Астраханской губерніи по сосѣдству со своими однородцами-калмыками Малодербетовскаго улуса. По случаю самовольнаго перехода Государь Императоръ Павелъ Петровичъ вызвалъ въ Гатчино особую отъ калмыцкаго народа депутацію, которой удалось исходатайствовать отъ 9 августа того же года Монаршее соизволеніе: 1) Депутатамъ калмыцкой орды Большаго Дербета избрать себѣ начальника, 2) быть имъ независимыми отъ Донцевъ, 3) зависѣть прямо отъ Государя, 4) переписываться прямо съ Нимъ, 5) по дѣламъ имѣть сношеніе съ Государственною Иностранною Коллегіею. Вслѣдствіе сей Высочайшей Воли указомъ отъ 27-го сентября 1800 года, даннымъ Правительствующему Сенату за собственноручнымъ подписомъ Его Императорскаго Величества, повелѣно: „калмыкамъ Малаго и Большаго Дербета, владѣльцамъ и чиновникамъ съ народами ихъ въ Астраханской губерніи кочующимъ, дать во владѣніе всѣ земли отъ Царицына по рѣкѣ Волгѣ и рѣкамъ Саргѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и взморью, словомъ всѣ тѣ мѣста, на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли кочевье свое, исключая тѣхъ, кои по уходѣ Имянными указами пожалованы, сочинивъ на оныя грамоту, подать Его Императорскому Величеству къ подписанію и допустить помянутымъ калмыкамъ по прежнему во владѣніе“. (Дѣло № 1-е за 1861 г.) Такимъ образомъ калмыки Большедербетовскаго улуса первоначально жили совмѣстною жизнію со своими сородичами-малодербетовцами, имѣли общія кочевья и при томъ весьма обширныя, а съ 14 октября 1800 года находились подъ управленіемъ одного намѣстника въ гражданскомъ отношеніи и одного первосвященника ламы въ духовномъ отношеніи. Въ означенный день Дербетовскій владѣлецъ Чучей-Тайши-Тунтутовъ былъ возведенъ въ намѣстника ханства, а лама Сабинъ-Бакша былъ утвержденъ въ санѣ первосвященника.

1) Хотя въ дѣйствительности калмыковъ было больше.

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ Благословенный отъ 28 апрѣля 1802 года Высочайше повѣлѣлъ „отмежевать земли для пастбы стады и табуновъ калмыцкихъ“ (Дѣло № 3 за 1861 г.). Вотъ тогда-то калмыки Большедербетовскаго улуса получили отдѣльный надѣлъ отъ калмыковъ Малодербетовскаго улуса, а именно: въ предѣлахъ нынѣшней Ставропольской губерніи въ размѣрѣ 872,323 кв. десятинъ, 1000 кв. сажень. (Дѣло № 4-е за 1861 г.) Границами послужили рѣки: Манычъ, Калаусъ, Большая и Малая Кугульча и Большой (сладкій) Егорлыкъ, что видно изъ плана и межевой книги, представленныхъ въ Астраханскую Палату отъ 11-го Марта 1857 года за № 221-мъ. По послѣдней рѣчкѣ, т. е., по Большому Егорлыку отмежеваны для калмыковъ только прогоны къ скотскимъ водооямъ (Дѣло № 4 за 1861 г.).

Въ 1861 году калмыки Большедербетовскаго улуса были подчинены главному приставу кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, при чемъ они стали имѣть отдѣльнаго родоваго владѣльца отъ своихъ сородичей Малодербетовскаго улуса, хотя по старому въ духовномъ отношеніи находились подъ вѣдѣніемъ одного ламы-первосвященника (Дѣло № 2-й за 1861 г.). 30-го сентября того же года главный приставъ принялъ Большедербетовскій улусъ и нашелъ его въ слѣдующемъ положеніи:

Селу Манычу. Кумъ и взморю. Словоу въ тѣ мѣстахъ.

- а) нойоновъ. . . . .
- б) монашествующихъ . . . . .
т. е., гелюговъ 50, гецулей 34, мандолковъ 35.
- в) аймачинихъ зайсанговъ, пользующихся правами почетныхъ гражданъ . . . . .
- г) безаймачинихъ зайсанговъ, пользующихся правами личныихъ гражданъ . . . . .
- д) калмыковъ простолюдиновъ, полагаая въ 1 кибиткѣ по 2 м. и по 2 ж. . . . .

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
а) нойоновъ.	9	10	19
б) монашествующихъ	119	нѣтъ.	119
в) аймачинихъ зайсанговъ, пользующихся правами почетныхъ гражданъ	52	56	108
г) безаймачинихъ зайсанговъ, пользующихся правами личныихъ гражданъ	15	17	32
д) калмыковъ простолюдиновъ, полагаая въ 1 кибиткѣ по 2 м. и по 2 ж.	2516	2516	5032
Итого	2711	2599	5310

Селу Манычу. Кумъ и взморю. Словоу въ тѣ мѣстахъ.

Калмыки тогда раздѣлялись на 11 родовъ, 18 аймаковъ и 50 хотоновъ. Роды подраздѣлялись на главные и частные. Главныхъ родовъ было шесть, а частныхъ пять. Аймаки управлялись зайсангами. Калмыки жили въ войлочныхъ кибиткахъ и занимались скотоводствомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, потому-что земля была въ общемъ владѣніи. Число ихъ домашнихъ животныхъ было таково:

а) лошадей	12,576,
в) рогатаго скота	26,232,
б) овецъ простыхъ	115,500,
г) козъ разной породы	3,150,
д) верблюдовъ	550,
Итого	158,408 головъ.

По вѣроисповѣданію калмыки были буддисты-ламаиты и совершали свое идолослуженіе въ 7 хурулахъ (кумирняхъ), изъ которыхъ одинъ былъ каменный, а остальные деревянные. Хувараки (духовенство) жили тоже въ кибиткахъ, которыя устанавливались около хуруловъ. Равнымъ образомъ калмыцкіе найоны и зайсанги жили въ кибиткахъ, такъ что частныхъ зданій, сдѣланныхъ изъ дерева, камня, или самана (особый родъ кирпича), не было. Впрочемъ общественныхъ зданій было шесть: 5 деревянныхъ и 1 „глинобитный“, т. е., саманный.

Такъ-какъ въ вѣдѣніи главнаго пристава находились не одни только калмыки, но и другіе ивородцы Ставропольской губерніи, какъ то: татары, ногайцы, кароногайцы, трухмены и пр., то въ помощь ему для непосредственнаго управленія Большедербетовскимъ улусомъ было учреждено Улусное Управленіе, которое до 1875 года находилось въ урочищѣ „Дудаки“, а съ 1875 года переведено въ село „Ивановское“, гдѣ находится и по настоящее время. Во главѣ Улуснаго Управленія стоялъ русскій чиновникъ со званіемъ „попечителя улуса. Полный составъ Улуснаго Управленія состоялъ изъ 7 человекъ: 1) попечителя улуса, 2) его помощника, 3) письмоводителя, 4) переводчика, 5) толмача, 6) владѣльца—нойона улуса, 7) опекуна улуса.

Первые трое должны быть русскіе, а послѣдніе двое—калмыки; толмачъ же и переводчикъ могли быть русскими или калмыками безразлично, лишь бы хорошо знали два языка:

русскій и калмыцкій. Улусное Управленіе главнымъ образомъ вѣдало административныя дѣла. Для разбора тяжёбныхъ дѣлъ былъ восстановленъ національный судъ—„зарго“, въ составъ котораго входятъ 5 лицъ: 3 русскихъ чиновника Улуснаго Управленія и 2 засѣдателя изъ калмыковъ. Впрочемъ въ зарго разбирались и разбираются только такія тяжбы, гдѣ отвѣтчиками являлись калмыки и не свыше 400 рублей; въ остальныхъ же случаяхъ и дѣлахъ калмыки судятся въ особыхъ присутственныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи, т. е., по „своду законовъ“. Русское правительство обратило вниманіе и на сиротъ изъ калмыцкой аристократіи, для чего въ 1862 году было учреждено Опекунское Управленіе (дѣло № 25). Для охраненія народа отъ оспы, которая съ давнихъ поръ ежегодно уноситъ немало жертвъ, было опредѣлено въ томъ же 1862 году два оспопрививателя. Оспопрививатели въ 1-й годъ своей дѣятельности успѣли привить оспу 200 мужчинамъ и 170 женщинамъ изъ калмыковъ (Дѣло № 1-е за 1862 годъ).

Для предупрежденія хищническихъ вторженій, для огражденія проѣзжающихъ по дорогѣ, для соблюденія тишины и для преслѣдованія воровъ въ 1861 году было сформировано 4 пикета. Въ каждомъ пикетѣ было по 11 калмыковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ имѣть свою лошадь и прочую аммуницію. Калмыки назначались по очереди подъ завѣдываніемъ благонадежныхъ изъ улусной ставки казаковъ. Съ цѣлію же прекращенія грабежей, совершаемыхъ калмыками большею частію съ оружіемъ въ рукахъ, Ставропольскій губернаторъ въ 1869 году предписалъ главному приставу принять мѣры, чтобы калмыки не носили при себѣ оружія (дѣло № 1 за 1869 г.). По этому предписанію оружіе было отобрано отъ всѣхъ калмыковъ и тогда же было передано въ Губернское Правленіе. Въ 1882 году калмыкамъ было запрещено носить при себѣ даже холодное оружіе (дѣло № 47 за 1882 г.). Въ виду того, что калмыки и послѣ сего продолжали воровать, Ставропольскій губернаторъ, генераль-майоръ Николай Георгіевичъ Никифораки, отъ 26-го октября 1891 года за № 3586-мъ постановилъ: 1) „объявить всѣмъ зайсангамъ и управляющимъ аймаками, что при повтореніи случаевъ хищничества и конокрадства подъѣдомыми имъ калмыками, хотя бы и безъ уликъ, необходимыхъ для судебного разбирательства, зайсанги и старшины, виновные въ пособничествѣ или укрывательствѣ хищ-

никовъ и конокрадовъ и даже въ слабomъ надзорѣ за подвѣдомственными имъ калмыками, будутъ немедленно заключаемы подь стражу, а затѣмъ ссылаемы въ Сибирь административнымъ порядкомъ; 2) калмыковъ, занимающихся хищничествомъ, взять подь надзоръ полиціи при ставкѣ; 3) учредить временную команду изъ калмыцкихъ стражниковъ для предупрежденія совершенія калмыками Малодербетовскаго улуса разныхъ грабежей и отгоновъ скота изъ Ставропольской губерніи; 4) установить по улусу развѣзды изъ стражниковъ и калмыковъ, обративъ вниманіе на мѣстности пограничныя и считающіяся безпокойными и 5) замѣченныхъ раньше въ дурномъ поведеніи лицъ собрать, по возможности, въ хотонахъ, расположенныхъ вдали отъ границъ, стараясь прискаты или указать такимъ способъ къ снисканію заработковъ“.

Такъ-какъ калмыки Большедербетовскаго улуса время отъ времени принимали христіанство, то Андреевское Братство съ перваго момента своего существованія (1873 г.) обратило свое просвѣтительное вниманіе и по настоящее время не перестаетъ заботиться о просвѣщеніи калмыковъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Для приготовленія опытныхъ миссіонеровъ, по ходатайству Андреевскаго братства, Св. Синодъ разрѣшилъ открыть 1874 г. каѳедру калмыцкаго языка при Ставропольской Духовной Семинаріи. На эту каѳедру былъ опредѣленъ одинъ изъ преподавателей мѣстной Семинаріи К. С. Розовъ съ платой за труды по 100 руб. въ годъ. Въ виду того, что семилѣтній опытъ не оправдалъ возлагаемыхъ надеждъ на открытую каѳедру, (въ теченіе 7 лѣтъ не вышло ни одного миссіонера изъ воспитанниковъ Семинаріи) Святѣйшій Синодъ, по представленію Преосвященнаго Германа, нашелъ удобнымъ закрыть каѳедру калмыцкаго языка при Ставропольской Семинаріи, предписавъ указомъ за № 312-мъ 1881 года затрачиваемыя суммы обратить на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ. Тѣмъ не менѣе Розовъ за время своего преподавательства успѣлъ составить каталогъ книгъ, трактующихъ о калмыкахъ и буддизмѣ, самъ написалъ статью: „О калмыкахъ;“¹⁾ рассмотрѣлъ Евангеліе отъ Матвея, переведенное на калмыцкій языкъ однимъ изъ крещеныхъ калмыковъ Иваномъ Шегеденовымъ, бывшимъ воспитанникомъ Астраханской Духовной

¹⁾ Статья напечатана въ Кавказскихъ Еп. Вѣдомостяхъ.

Семинаріи, и нашель означенный переводъ „вульгарнымъ“, а поэтому необходимымъ къ исправленію; вслѣдствіе чего Совѣтъ Андреевскаго Братства постановилъ въ засѣданіи отъ 13 марта 1877 года въ лѣтнія каникулы вызвать Шегеденова въ Ставрополь для личныхъ указаній со стороны г. Розова (протоколы Андр. Братства за 1877 г.).

Потерявъ надежду имѣть миссіонера изъ среды мѣстнаго духовенства, Андреевское Братство неоднократно приглашало уже извѣстныхъ миссіонеровъ для проповѣднической дѣятельности среди калмыковъ.

Гражданское начальство присоединило свои заботы объ улучшеніи быта образованнаго изъ крещеныхъ калмыковъ Княземихайловскаго поселка. Губернаторъ Н. Г. Никифораки отношеніемъ отъ 11-го января 1891 года за № 110-мъ увѣдомилъ Андреевское Братство объ устройствѣ особаго комитета: „для за вѣдыванія Высочайше утвержденнымъ вспомошествованіемъ каждому калмыку, для руководства ихъ въ веденіи хозяйства и отведенной землей“. „Комитетъ долженъ состоять изъ миссіонера, его сотрудника, попечителя улуса, двухъ крещеныхъ калмыковъ и 1 арендатора. Операциі комитета; 1) уплата денегъ за приобрѣтенные для крещеныхъ калмыковъ дома и имущества для хозяйственнаго заведенія и веденіе отчетовъ по этому предмету; 2) руководство крещеныхъ калмыковъ, какъ неопытныхъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, въ веденіи сего послѣдняго; 3) распределеніе земель поступающихъ въ пользованіе калмыковъ; 4) надзоръ и руководство въ дѣлѣ производства общественныхъ запасекъ; 5) образованіе запаснаго хлѣбнаго магазина и надзоръ за правильнымъ дѣйствіемъ онаго“. Не смотря на свое кратковременное существованіе, комитетъ успѣлъ многое сдѣлать для улучшенія быта крещеныхъ калмыковъ. По отчету каедральнаго ключаря о. Успенскаго, который по порученію Совѣта, производилъ ревизію въ Княземихайловскомъ поселкѣ въ маѣ того же года оказалось, что комитетъ на 1071 рубль 90 копѣекъ приобрѣлъ для крещеныхъ калмыковъ 3 плуга, 15 паръ воловъ, 1 лошадь, нѣсколько маджаръ, лопатъ и другихъ земледѣльческихъ принадлежностей. Съ тою же цѣлію былъ купленъ фруктовый садъ за 200 рублей отъ некрещеннаго калмыка Менке Бадинова.

Калмыки Княземихайловскаго поселка, съ охотой занимаются земледѣліемъ и теперь вполне освоились съ трудомъ

пахаря. Въ 1891 г. ими было засеяно при руководствѣ русскихъ 60 десятинъ, а въ 1892 году они уже засеяли сами собою болѣе 70 десятинъ. Я былъ очевидцемъ, какъ калмыки косили хлѣбъ, молотили и т. п. По моему мнѣнію, теперь калмыки вполнѣ освоились съ сельскимъ хозяйствомъ и успѣли привязаться къ нему, видя въ немъ весьма выгодное и надежное занятіе для существованія. Въ то же время они увеличили и свой скотъ. По отчету о. Успенскаго въ 1891 году они имѣли 150 коровъ, 100 овецъ и 11 лошадей; теперь же у нихъ 200 коровъ, 12 лошадей и только 20 овецъ. Такое весьма значительное сокращеніе овецъ мнѣ объяснили тѣмъ, что въ прошедшую зиму, по случаю голода, они принуждены были рѣзать овецъ и употреблять въ пищу, чтобы не умереть съ голоду.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Александръ Александровичъ, Высочайше повелѣвъ освободить калмыковъ отъ власти найоновъ и зайсанговъ, уничтожилъ одно изъ существенныхъ препятствій къ насажденію православія среди калмыковъ. Ибо давно извѣстно, что найоны и зайсанги сильно тормозили дѣла миссіи, всячески удерживая своихъ подчиненныхъ сородичей отъ принятія христіанства изъ своекорыстныхъ цѣлей. Этимъ между прочимъ отчасти объясняется малоуспѣшность православной миссіи среди калмыковъ за весь періодъ почти двухъ-сотъ-лѣтняго обитанія ихъ въ Россіи. Монаршее повеленіе торжественно было объявлено калмыкамъ Большедербетовскаго улуса въ урочищѣ „Байшанта“ 12-го іюля 1892 года. Къ назначенному дню, по распоряженію главнаго пристава, представители калмыкаго народа отъ 16 родовъ въ числѣ 500 человекъ явились въ Байшанту во главѣ со своимъ найономъ-княземъ Гахаевымъ и старшимъ бакшой Ивановымъ. Со стороны русской администраціи присутствовали: главный приставъ, попечитель улуса, его помощникъ и врачъ кочующихъ народовъ; въ качествѣ частныхъ зрителей изъ русскаго народа были: сотрудникъ миссіонера г. Дуброва, студентъ Дерптскаго Университета г. Мартыновъ и студентъ г. Львовскій. Для предстоящаго обѣда, по поводу Высочайшей воли, съ ранняго утра было заколото 30 барановъ и куплено 10 ведеръ водки. Торжество началось съ 4 часовъ вечера и продолжалось до 9 часовъ вечера, слѣдовательно, ровно 5 часовъ. Гражданское торжество началось

религиознымъ празднествомъ въ Байшантинскомъ хурулѣ. Религиозное молебствіе состояло изъ двухъ частей: а) изъ служенія въ хурулѣ и б) изъ мистеріи внѣ хурула. Служба въ хурулѣ состояла изъ общаго чтенія на распѣвъ въ унисонъ съ игрой на музыкальныхъ инструментахъ. Всѣхъ хуvaraковъ участвовало 23 человекъ. Какъ чтеніе, такъ и музыка сопровождалась символическимъ движеніемъ рукъ и пальцевъ, бросаніемъ зеренъ, поливаніемъ аршана или священной воды и тому подобными мимическими дѣйствіями. Чаше всего приходилось видѣть передвиженіе рукъ съ круговращеніемъ всей ладони. По объясненію бакши, вращательное движеніе пальцевъ и ладоней должно напомнить имъ восьмирадіусное колесо ученія, которое (колесо) ихъ основателю буддѣ Шакьямуни поднесъ въ даръ Эсруа-тенгрій. Тогда Шакьямуни, проникнувшись божественной „боди“ (святостію), началъ вращать колесо ученія и такъ увлекательно проповѣдовалъ, что даже двѣ газели (лани) выбѣжали изъ сосѣдняго лѣса и начали слушать его ученіе, забывъ свои естественныя потребности. Передвиженіе пальцевъ означаетъ разнообразіе и обиліе истинъ ламайской мудрости. Послѣ сего началась мистерія со священнымъ конемъ. Конь сей съ ранняго утра былъ одѣтъ по всему тѣлу въ попоны изъ желтаго кумачу, хотя и самъ былъ той же масти, и былъ поставленъ въ кибиткѣ, которая находилась въ хурульной оградѣ около Ю.-З. угла хурула. Все тѣло коня было покрыто чахломъ, не исключая ногъ и хвоста. На спинѣ было сѣдло на обычномъ мѣстѣ. Около сѣдла были прицѣплены различныя привѣски въ родѣ куколъ, лентъ, кисточекъ и пр. украшеній. Уши были украшены калмыцкими сергами треугольной формы. Этого священнаго коня за узду держалъ калмыкъ съ маской на головѣ наподобіе головы слона; а за хвостъ коня держался другой, — имѣющій маску свиньи. На сѣдлѣ между двумя подушками красовалось изображеніе на полотнѣ въ деревянной рамкѣ „Окинъ-тенгри“, т. е., изображеніе женскаго божества. Окинъ-тенгри ѣхала на бѣломъ конѣ съ распущенными волосами въ видѣ молодежьей дѣвицы съ калмыцкимъ типомъ. Свиту ея изображали шесть калмыковъ, одѣтыхъ въ шутовскія и рыцарскія одежды. Эти калмыки шли по бокамъ коня и имѣли въ рукахъ знамена или оружіе.

Лишь только вышли хураваки изъ хурула, заиграли на инструментахъ, калмыки, изображающіе свиту Окинъ-тенгри,

повели священнаго коня изъ кибитки за ограду хурула и шествіе направилось вокругъ хурульной ограды посодоны прямо къ кибиткѣ бакши, которая находилась на югъ отъ хурула въ разстояніи не болѣе 20 шаговъ, гдѣ и закончилось музыкой и разнообразными передвиженіями коня. Шутень (изображеніе) Окить-тенгри сняли и поставили въ кибиткѣ бакши, а народъ началъ съ благовѣніемъ лобзать лбомъ священнаго коня: кто въ гриву, кто въ ноги, кто въ хвостъ, короче сказать, цѣловалъ каждый коня въ ту часть тѣла, которая была къ нему ближе. Такимъ образомъ, народъ могъ присутствовать въ 2-й части религіознаго торжества, потому что при совершеніи службы въ хурулѣ онъ стоялъ внѣ хурула—въ хурульной оградѣ или даже за ней.

Послѣ религіознаго торжества, весь народъ въ количествѣ 500 человекъ собрался на площадкѣ на Ю.-З. отъ хурула. По приглашенію главнаго пристава, калмыки образовали изъ себя болѣе или менѣе правильный кругъ, въ центрѣ котораго находились представители мѣстной власти, какъ духовной, такъ и свѣтской, а также нѣкоторые частныя лица изъ русскихъ. Гражданское торжество открылъ главный приставъ привѣтственной рѣчью, въ которой поздравилъ калмыковъ съ Монаршею милостію. Послѣ него поздравляли народъ мѣстныя власти въ такомъ порядкѣ: попечитель улуса, найонъ, бакша, зайсангъ Опогиновъ; помощникъ попечителя улуса и мѣстный врачъ. Русскіе говорили на русскомъ языкѣ, а калмыки—на калмыцкомъ. Каждая рѣчь оканчивалась тостомъ за здоровье подлежащихъ властей, начиная съ заздравной чаши за виновника торжества, Государя Императора Александра Александровича и всей Царской Фамиліи. На каждое пожеланіе добраго здравія „властемъ подлежащимъ“ калмыки отвѣчали дружскимъ поднятіемъ рукъ вверхъ и громогласнымъ русскимъ „Ура!“....

Крещенымъ калмыкамъ была объявлена Высочайшая Воля на мѣстѣ ихъ жительства въ Княземихайловскомъ поселкѣ, куда 5-го іюля пріѣхалъ главный приставъ съ попечителемъ улуса и его помощникомъ. Послѣ Божественной литургіи, главный приставъ, собравъ всѣхъ калмыковъ, объявилъ имъ Монаршую Милость.

Такъ завершилась важнѣйшая реформа въ жизни Большедербетовскаго улуса. Впрочемъ вопросъ объ освобожденіи кал-

міковъ отъ крѣпостной зависимости былъ поднятъ еще въ 1872 году, что видно изъ дѣла № 39-й: „Матеріалы къ проекту о преобразованіи Большедербетовскаго улуса Старопольской губерніи на основаніи крестьянскаго положенія отъ 19-го февраля 1863 г.“. Сущность новыхъ законоположеній, читаемъ въ слѣдующемъ: калмыкамъ—простолюдинамъ даруются всѣ личныя права, предоставленныя общими законами Имперіи свободнымъ сельскимъ обывателямъ. Права калмыцкихъ нойновъ-улусовладѣльцевъ, мелкихъ владѣльцевъ и родовыхъ зайсанговъ на подвластныхъ изъ калмыковъ и на взиманіе съ нихъ албана отмѣняется навсегда. Нойоны улусовладѣльцы, мелкіе владѣльцы и родовые зайсанги за потерю албана, а равно въ возмѣщеніе накопившихся за прежнее время недоимокъ этого дохода получаютъ вознагражденіе отъ Правительства кредитными билетами въ размѣрѣ пятилѣтней сложности бывшаго владѣльческаго дохода, по числу кибитокъ, состоявшихъ къ 1-му января 1891 года въ зависимости каждаго владѣльца. Нойоны улусовладѣльцы и родовые зайсанги освобождаются отъ всѣхъ обязанностей по управленію улусомъ и аймаками. Впредь до преобразованія управленія калмыками и судебной части въ калмыцкой степи, возлагаются: 1) обязанности по управленію улуса на улуснаго попечителя и его помощниковъ; 2) обязанности по управленію аймаками, лежащія на родовыхъ зайсангахъ,— на аймачныхъ старшинъ; 3) обязанности по предсѣдательствованію въ улусномъ судѣ (зарго) на попечителя улуса. Калмыцкое населеніе взамѣнъ всѣхъ производившихся съ него до сего времени сборовъ облагается, начиная съ 1892 года, въ доходъ казны, сборомъ 6 рублей въ годъ съ кибитки. Распредѣленіе суммы кибиточнаго сбора производится мѣстнымъ управленіемъ калмыцкимъ народомъ. Раскладка суммы сбора, причитающей-ся съ аймака, между отдѣльными кибитковладѣльцами представляется аймачному сходу. При раскладкѣ кибиточнаго сбора аймачному сходу разрѣшается, сообразуясь съ платежными силами отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ, какъ уменьшить причитающійся съ нихъ по раскладкѣ платежъ, такъ и вовсе освободить ихъ отъ онаго, съ распредѣленіемъ слагаемой суммы на другія кибитки, причемъ, однако, размѣръ надбавки на каждаго кибитковладѣльца не долженъ превышать $\frac{1}{8}$ части установленнаго сходомъ средняго оклада сбора. Приговоры аймач-

наго схода по раскладкѣ кибиточнаго сбора подлежатъ утверждению улуснаго попечителя. Кибиточный сборъ, слѣдующій съ аймака, собирается демчеями по-полугодно, съ записью въ книгѣ и съ выдачей плательщикамъ квитанцій.

Въ случаѣ неплатежа кибитковладѣльцемъ слѣдующаго съ него сбора въ установленный срокъ, улусные попечители и аймачные старшины обязаны ко взысканію онаго оказывать демчеямъ возможное содѣйствіе, отдавая несостоятельныхъ калмыковъ - простолюдиновъ въ работы до выручки всей суммы. Собранныя деньги демчеи представляютъ улусному попечителю, который въ полученіи оныхъ выдаетъ имъ квитанціи“.

Такимъ образомъ, по новому положенію, непосредственными органами административнаго управленія Большедербетовскимъ улусомъ являются аймачные сходы и аймачные старшины, которые вполне соотвѣтствуютъ нашимъ сельскимъ сходамъ и деревенскимъ старостамъ. Само собою разумѣется, что аймачные сходы и аймачные старшины должны дѣйствовать примѣнительно къ сельскому уставу общихъ Россійскихъ законовъ. Даже національный калмыцкій судъ „зарго“ потерпѣлъ значительныя измѣненія, какъ то: предѣвателемъ суда сталъ попечитель улуса, который направляетъ дѣла на основаніи Свода Законовъ. Улусное управленіе, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ состоять исключительно изъ русскихъ людей; сверхъ того для завѣдыванія дѣлами крещеныхъ калмыковъ съ августа 1892 года учреждена должность втораго помощника попечителя улуса. Мѣстопробываніе сего помощника должно быть въ Княземихайловскомъ поселкѣ; но Улусное Управленіе по прежнему должно находиться въ селѣ Ивановскомъ, гдѣ помѣщается и улусная ставка. Содержаніе чиновниковъ Улуснаго Управленія ежегодно обходится въ 3,780 рублей, а именно:

1) попечителю улуса	1500	руб.
2) первому его помощнику	800	—
3) второму его помощнику	500	—
4) письмоводителю	500	—
5) переводчику	300	—
6) толмачу	180	—
	<hr/>	
	И т о г о .	3780 руб.

Кромѣ того Улусное Управление ежегодно расходуетъ 2,230 рублей на нижеслѣдующія нужды.

1) двумъ фельдшерамъ (по 300 р. каждому)	600 р.
2) на наемъ писцовъ, канцелярскіе расходы и другіе мелочныя расходы	540 р.
3) на жалованіе ветерин. фельдшеру	300 р.
4) ему же квартира	120 р.
5) на походную аптеку	50 р.
6) на конюшню для 24 казацкихъ лошадей	140 р.
7) жалованье учителю калмыцкаго улуснаго училища въ селѣ Ивановскомъ	360 р.
8) квартира для него и для училища	120 р.
Итого	2,230 р.

Слѣдовательно, каждый годъ общее содержаніе Улуснаго Управленія обходится 6010 рублей. Впрочемъ въ этотъ счетъ не входитъ содержаніе миссіонерскаго стана Княземихаиловскаго поселка. Равнымъ образомъ здѣсь не указано содержанія аймачныхъ старшинъ и двухъ засѣдателей въ „зарго“, потому что означенныя лица не имѣютъ опредѣленнаго оклада, а получаютъ возмездіе за свои труды по народному управленію по усмотрѣнію аймачныхъ имѣютъ олуснаго схода.

По образцу русскихъ сельскихъ сходовъ, аймачные сходы утверждаютъ раскладку ежегодныхъ расходовъ на три года, сообразно со своими общественными средствами или доходами, представляя смѣту расходовъ на окончательное утвержденіе попечителя улуса. Вообще, нужно сказать, что калмыки Большедербетовскаго улуса послѣдней реформой почти совсѣмъ сравнялись въ своихъ правахъ и въ своемъ управленіи съ русскими крестьянами и другими сельскими обывателями Русской Имперіи.

II. Географическія и статистическія свѣдѣнія относительно Большедербетовскаго улуса.

Большедербетовскій улусъ первоначально занялъ площадь въ 872,323 десятины 1000 кв. сажень. Съ теченіемъ времени площадь его начинаетъ собираться. По дѣлу, хранящемуся въ канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, за 1861 годъ подъ № 4-мъ видно, что кал-

мыки Большедербетовскаго улуса владѣли въ 1861 году уже 600,000 десятинами. Въ 1863 году въ Большедербетовскомъ улусѣ числилось только 589,000 десятинъ, что можно видѣть изъ дѣла подъ № 19-мъ за 1863 годъ. Въ 1872 году калмыки занимаютъ пространство земли уже въ 373.161 десятину (дѣло № 16-й за 1872 годъ), а именно:

№ дѣла	Имя рода	Число десятинъ земли.	Число десятинъ земли.		
			Удобной.	Неудобной.	Всего вообще.
1)	Икичиносъвъ родъ	15120	}	400	19120
	и его зайсанги	3600			
2)	Багабурдувъ родъ	16380		28	16408
3)	Кюбетовъ и Будурмисовъ роды	20940	}	795	22135
	и ихъ зайсанги	400			
4)	Абганеровъ родъ	7110	}	760	9970
	и его зайсанги	2100			
5)	Мелкіе роды: Царосовъ, Шеретовъ и Тарачинеровъ	14670		1460	16130
6)	Иркинутуновъ родъ	11100	}	335	12435
	и его зайсанги	1000			
7)	Абганерь-Гаханкинъ родъ	9000		680	9680
8)	Багатуктуновъ родъ	2580	}	400	3380
	и его зайсанги	400			
9)	Багатуктуновъ 2-й родъ	19260		15886	35146
10)	Хаджинкиновъ родъ	5310		2190	7500
11)	Икичиносъвъ 2-й и Будумльчинеровъ роды	46260	}	14598	61258
	и ихъ зайсанги	400			
	Итого	175630		57531	213161
	Сверхъ того запасной земли	—		—	160000
	А всего вообще	—		—	373161

Къ концу 1891 года площадь Большедербетовскаго улуса сократилась почти втрое. По плановой картѣ, хранящейся въ Улусномъ Управленіи, площадь его измѣряется въ 289,835 десятинъ, а именно:

Имя землевладельца	Число десятинъ земли.		
	Удобной.	Не удобной.	Всего вообще.
1) Икчиносова рода: 4 аймачныхъ зайсанга	1200	—	1200
и 12 безаймачныхъ зайсанга	2400	—	2400
на 504 человека изъ простолудиновъ	15120	400	15520
2) Багабурудовъ родъ изъ 546 человекъ	16380	28	16408
3) Будурмисовъ родъ съ Кюбетовыхъ изъ 698 человекъ	20940	790	21730
ихъ зайсанги: 1 аймачн. и 1 безаймачн.	600	5	605
Нойонъ-владѣлецъ Михаилъ Гахаловъ	1500	275	1775
4) Абганеровъ родъ изъ 237 человекъ	7110	483	7593
его зайсанги: 2 аймачныхъ и 1 безаймачный	600	2	602
5) Мелкіе роды: Царосовъ, Шеретовъ и Тарачи- неровъ изъ 489 человекъ	14670	1460	16130
6) Икитуктуновъ родъ аймака Лашина Опогино- ва изъ 370 человекъ	11100	175	11275
его зайсанги: 1 аймачный и три безай- мачныхъ	1000	160	1160
7) Абганеръ-Гаханкинъ родъ изъ 300 человекъ	9000	680	9680
8) Икчиносавъ 2-й Будульчинеровъ роды изъ 1542 человекъ	46260	13445	59705
ихъ зайсанги: 1 аймачный и 1 безай- мачный	600	73	673
9) Хадонинкиновъ родъ изъ 177 человекъ	5310	2190	7500

	Число десятинъ земли.		
	Удобной.	Не удобной.	Всего вообще.
10) Багатуктуновъ родъ 1 аймака изъ 642 челов.	19152	15885	35037
11) Багатуктуновъ 2 аймака изъ 186 человекъ.	8940	900	9840
его зайсангу аймачному.	200	80	280
и пяти безаймачнымъ зайсангамъ	1000	25	1025
12) Абганеровъ родъ аймака Цорой Аршіева изъ 123 человекъ.	3700	111	3811
и 10 его зайсангамъ.	2000	—	2000
13) Полковница Есаулова, урожденная Ханчукова	1500	21	1521
14) Калмыцкое духовенство изъ 125 человекъ.	3750	15	3765
15) Улусное управленіе.	312	—	312
16) Княземихайловскій поселокъ.	6000	1744	7744
И т о г о	200544	38947	38947
Сверхъ того свободной земли подъ различными урочищами	—	—	50344
А всего вообще	200544	38947	289835

Слѣдовательно, въ настоящее время площадь Больше-дербетовскаго улуса составляетъ почти только $\frac{1}{3}$ первоначальнаго своего объема. Причина сокращенія калмыцкой земли заключается въ томъ, что правительство русское время отъ времени дѣлало наръзки изъ калмыцкой степи другимъ племенамъ Имперіи. Извѣстно что ногайцы до 1852 года самовольно кочевали въ калмыцкой степи по причинѣ малоземельности въ своихъ степяхъ—съ одной стороны и съ другой—по причинѣ обширности калмыцкихъ степей сообразно съ ихъ поселеніемъ; поэтому русское правительство отмежевало ногайцамъ изъ кал-

мыцкой степи Большедербетовскаго улуса 272,323 десятинъ земли съ опредѣленіемъ для этого границы новаго урочища Куркуле, а съ вершины онаго прямо линією на Большую Кугульту къ 3 курганамъ и далѣе на Малую Кугульту до хутора подпоручика Янковскаго, бывшаго Васильева (дѣло № 4-й за 1861 г.). Изъ дѣлъ, хранящихся въ канцеляріи главнаго пристава кочующихъ народовъ Ставропольской губерніи, за 1872 годъ подъ № 45-мъ и за 1877 годъ подъ № 36-мъ, а также изъ статистическихъ свѣдѣній Статистическаго Комитета Ставропольской губерніи за означенные годы и за слѣдующіе—1880, 1886 и 1890,—видно, что Государю Императору, по представленію мѣстныхъ властей, благоугодно было повелѣть, чтобы было отмежевано нѣкоторымъ русскимъ селеніямъ потребное количество земли изъ калмыцкой степи Большедербетовскаго улуса. Эта нарѣзка была сдѣлана въ разное время въ видахъ правительственныхъ и ближе всего, чтобы калмыки могли непосредственныя имѣть сношенія съ русскими поселенцами, знакомиться съ русскимъ житьемъ-бытьемъ, воочію убѣдиться въ превосходствѣ осѣдлой жизни, и такимъ образомъ возжелали бы вполне слиться съ русскими и перемѣнить свой кочевой образъ жизни на осѣдлую и спокойную дѣятельность.

Съ этою цѣлію нарѣзка земли была произведена такъ, что русскія селенія тупыми или острыми углами врѣзались въ нынѣшній Большедербетовскій улусъ со всѣхъ его сторонъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости послѣдняго, слѣдуетъ только взглянуть на его карту. Хотя нарѣзка земли была сдѣлана въ разные годы, но мы рѣшили составить одну общую таблицу, чтобы читатель могъ составить цѣльное представленіе о сокращеніи площади Большедербетовскаго улуса. Тѣмъ не менѣе при внимательномъ разсмотрѣніи таблицы легко видѣть постепенность отмежевки нарѣзокъ, если припомнить время произведенныхъ отрѣзокъ по годамъ указанныхъ дѣлъ, потому что въ таблицѣ сохранена историческая послѣдовательность.

Вотъ эта таблица:

	Число десятинъ земли.		
	Удобной.	Не Удобной.	Всего вообщее.
1) Ногайцамъ	—	—	272323
2) Для государственныхъ нуждъ	—	—	67677
3) Селамъ: Преградиному	24795	1038	25833
— Медвѣжьему	2643	290	2933
— Лѣтницкому	11588	195	11783
— Яривольскому	3020	110	3130
— Жуковскому	3150	15	3165
— Красной-Полянѣ	13056	614	13670
— Сандатѣ	11275	} 500	22215
— Баранникову	8640		
— Березовскому	11562	100	11662
— Новогорлыкскому	11835	25	11860
— Гахинскому	2725	1000	3725
— Хагинскому	6848	10000	16848
— Рассыпному	4500	1500	6000
— Никольскому	15420	1500	16920
— Кіевскому	55000	1000	56000
— Яшалтѣ	8000	2744	10744
4) Для государственнаго коневодства	21000	1000	22000
5) Частнымъ лицамъ	5000	1000	6000
	218057	24431	242488
			582488

Народонаселеніе Большедербетовскаго улуса въ теченіи 11 лѣтъ увеличивавшееся, начиная съ 1861 года по 1872 годъ включительно; съ 1872 года по 1892-й годъ т. е. за послѣдніе 20 годовъ начинаетъ мало-по-малу уменьшаться. Извѣстно, что 1861 года, по ревизіи главнаго пристава, общее число калмыковъ простиралось до 5,310 человѣкъ. По отчету Губернскаго Статистическаго Комитета Ставропольской губерніи за 1866 годъ, численность калмыковъ обоого пола была 5,558 человѣкъ: 3,329 мужчинъ и 3,229 женщинъ. Къ концу 1872 года численность калмыковъ возрасла до 11,231 человѣка: 5,898 мужчинъ и 5,333 женщины. Прогрессивное размноженіе калмыковъ объясняется привольностію и обширностію земель, находившихся во владѣніи калмыковъ въ первыи изъ разсматриваемыхъ періодовъ. Въ данное время земли было такъ много въ Большедербетовскомъ улусѣ, что на одного человѣка приходилось почти 50 десятинъ. Обширныя степи давали возможность заниматься скотоводствомъ въ большихъ разрѣхахъ, потому что представляли изъ себя удобныя пастбища, обильныя сочной травой даже въ года засухи. Калмыки тогда жили безбѣдно, не голодали и не умирали съ голоду, ибо пищу калмыка составляютъ продукты скотоводства—молоко и мясо. Съ другой стороны, обширныя степи не побуждали калмыка скучиваться и селиться большими хотонами. По каковой причинѣ во время эпидеміи въ родѣ, напримѣръ, оспы, которая, нужно замѣтить, часто свирѣпствуетъ въ улусѣ, меньше похищалось жертвъ и сама природа изолировала сосѣдніе хотоны отъ эпидеміи, такъ-какъ хотонъ отъ хотона отстоялъ на весьма значительномъ разстояніи—почти на цѣлыя сотни верстъ, да и самъ калмыкъ, при первомъ появленіи заразительной болѣзни, откочевывалъ такъ далеко, что трудно было заразнымъ бацилламъ, перебраться на новое его мѣстожительство. Теперь же, хотя калмыкъ тоже перемѣняетъ кочевку во время эпидеміи, но откочевываетъ такъ близко, что въ большинствѣ случаевъ таже смертоносная гостья посѣщаетъ его и на новомъ мѣстѣ.

Сообразно съ приращеніемъ населеніи съ 1861 года увеличилось число родовъ и число кибитокъ или домовъ. Въ 1861 году родовъ было 11, а кибитокъ 1,258; въ 1866 году родовъ стало 12, но кибитокъ 1,314; въ 1870 году кибитокъ расплодилось до 1,749 и родовъ 13, а также число однихъ мужчинъ возрасло до 5,793 человѣкъ, какъ то:

	Число кибитокъ.	Число мужчинъ.	Число женщинъ.	Число обоего пола.
1) Абганирь-Гаханкинъ родъ	67	300	—	—
2) Абганеровъ родъ	90	237	193	400
3) Багатуктуновъ родъ	178	546	388	934
4) Бюдермисовъ родъ	161	518	397	915
5) Басабуруловъ родъ	233	727	—	—
6) Будульчинеровъ родъ	54	164	136	300
7) Икитуктуновъ родъ	238	874	—	—
8) Икчиносовъ родъ	447	1380	1168	2548
9) Кюбетовъ родъ	48	180	126	306
10) Тарачинеровъ родъ	21	67	—	—
11) Хаджинкиновъ родъ	62	178	—	—
12) Цоросовъ родъ	96	285	231	516
13) Шеретовъ родъ	54	137	—	—
Итого	1749	5591	—	—
Сверхъ того: въ семействахъ нойона-владѣльца	—	6	6	12
Въ семействахъ:				
Аймачныхъ зайсанговъ	—	17	15	32
Безъаймачныхъ зайсанговъ	—	52	36	88
Хувараковъ (духовенства)	—	127	—	—
А всего вообще	1749	5793	—	—

Съ 1872 года численность калмыковъ уменьшается, такъ, на примѣръ въ 1873 году мужчинъ было 5,615, а женщинъ 4949

и обоего пола 1,064 человекъ, т. е. сравнительно съ предшествующимъ годомъ число мужчинъ сократилось на 283 человекъ (5898—5615), число женщинъ—на 384 человекъ (5333—4949) и общее число калмыковъ—на 667 человекъ (11231—10564 или 283+384), о чемъ свидѣлствуютъ таблицы Губернскаго Статистическаго Комитета Ставропольской губерніи за 1872 и 1873 года. Равнымъ образомъ статистика того же Комитета также краснорѣчиво говоритъ, что и въ послѣдующіе годы народонаселеніе Большедербетовскаго улуса постепенно начинаетъ умаляться. Для примѣра возьмемъ статистику за послѣднее пятилѣтіе въ доказательство того, что калмыки начинаютъ мало-по-малу вымирать. Вотъ таблица за 5 л.

	1887.		1888.		1889.		1890.		1891.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1) Калмыковъ	5500	5089	5564	5089	5573	5148	5476	5009	5425	4981
2) Родившихся	132	122	172	126	243	135	201	193	149	164
3) Умершихъ	196	116	181	91	156	96	150	155	365	139
4) Бракомъ сочетавшихся	138	138	81	81	108	108	118	118	123	123
	1887	1888	1889	1890	1891					
5) Кибитокъ	1985	2054	2057	2183	2183					
6) Родовъ	16	16	16	16	16					

Если сравнить численность калмыковъ 1891 года съ численностію ихъ же за 1872 годъ, то окажется, что общее число за послѣднее 20-тилѣтіе сократилось на 825 человекъ, а именно: мужчинъ — на 473 человекъ (5898 — 5425), а женщинъ — на 352 человекъ (5333 — 4981). Особенно скоро стала вымирать калмыцкая аристократія или цаганъ-йасынъ. Извѣстно, что въ 1861 году было: нойоновъ—владѣльцевъ 9, аймачныхъ зайсанговъ 52; въ 1872 году нойонъ—владѣлецъ остался одинъ и то несовершеннолѣтній, аймачныхъ зайсанговъ только семнадцать; къ началу 1892 года нойонъ—владѣлецъ

тоже одинъ, но аймачныхъ зайсанговъ только четыре. Какъ вымирали мушны изъ цаганъ-йасынъ, такъ же вымирали и женщины изъ калмыцкой аристократіи или цаганъ-йасынъ (бѣлой кости). Причина вымиранія калмыковъ вообще и калмыцкой аристократіи не одинакова. Безъ всякаго сомнѣнія, главною причиною постепеннаго, вымиранія калмыковъ должно признать ихъ особенную привязанность къ кочевой жизни. Нынѣшніе калмыки, хотя и считаются осѣдлыми, попрежнему ведутъ кочевой образъ жизни. Они до сихъ поръ живутъ неизмѣнно въ такихъ же кибиткахъ, въ какихъ жили когда то Гунны, Авары, Печенеги, Половцы, Татары и ихъ родичи Монголы. По всей вѣроятности, наши калмыки живутъ и въ той же бытовой обстановкѣ, въ какой жили сейчасъ перечисленные азіатскіе выходцы, или въ какой живутъ ихъ единоплеменники въ глубинѣ Азіи—въ великой Монголіи. Поэтому то, что составляло силу и зависящій отъ нея успѣхъ при поступательномъ движеніи народовъ, не могло и не можетъ дать прочнаго существованія въ то время, когда уже некуда было двигаться впередъ и невозможно возвращаться назадъ. Быстрое вырожденіе калмыцкой аристократіи, начавшееся еще въ то время, когда масса калмыки продолжала размножаться, должно имѣть свою причину. Мнѣ кажется, что причина эта заключается въ насильственномъ умерщвленіи различныхъ лицъ изъ калмыцкой цаганъ-йасынъ. Если прослѣдить уголовную статистику убійствъ и просмотрѣть дѣла вызванныя ими то окажется, что большинство калмыцкой аристократіи умерло отъ руки убійцы, которыми оказывались по окончаніи слѣдствія и судопроизводства ближайшія родственницы или родственники убитыхъ. Такія убійцы или сами дѣйствовали, или же склоняли и подкупали къ преступленію калмыковъ-простолюдиновъ. То же приходилось слышать и изъ личныхъ разсказовъ о смерти тѣхъ или другихъ зайсанговъ и найоновъ. Конечно, на вымираніе цаганъ-йасынъ имѣло вліяніе и общая причина вырожденія калмыковъ Большедербетовскаго улуса. На вымираніе же калмыковъ вообще и калмыцкой аристократіи—вмѣстѣ повліяло и сокращеніе площади Большедербетовскаго улуса; вслѣдствіе чего калмыки, привыкшіе къ нечистоплотности и избѣгающіе русской медицины, во время повальныхъ болѣзней не могутъ далеко откочевывать, поэтому гибнутъ иногда, какъ мухи. Во всякомъ случаѣ уменьшеніе объема земли уменьшило число

пастбищъ, а чрезъ это стѣснило и затруднило скотоводство, которое, какъ извѣстно, и составляетъ главное занятіе калмыковъ и которое доставляетъ всѣ средства къ существованію этихъ кочевниковъ.

По картѣ Ставропольской губерніи за 1886 годъ, составленной послѣ послѣдней нарѣзки различнымъ русскимъ селеніямъ, Большедербетовскій улусъ находится между 45° и 46° сѣверной широты и между $59^{\circ} 30'$ и 60° восточной долготы, считая отъ острова Ферро, и заключаетъ въ себѣ 289,835 десятинъ земли. Границами Большедербетовскаго улуса служатъ: на сѣверѣ—озеро Манычъ и земли области Войска Донскаго; на западѣ—рѣка Большой Егорлыкъ съ русскими селеніями: Новоманычскимъ, Баранниковымъ, Новогорлыкскомъ, Березовской, Красной-поляной, Жуковскимъ; на югѣ—правый притокъ Большаго Егорлыка Большой Го или Гокъ и села: Расыпное, Бурукчунъ, Большая и Малая Джалги; на востокѣ—рѣки: Яшалтинская балка и Заха-джалга, села: Яшалта, Хатинское и Гахинское. На всемъ своемъ протяженіи Большедербетовскій улусъ представляетъ гладкую равнину. Нигдѣ нѣтъ ни одной горки; только кое-гдѣ встрѣчаются курганы и, что всего замѣчательнѣе, по-три въ рядъ, отъ чего они и называются „Гурбунъ“ (трое). Расположеніе кургановъ вездѣ одинаково: одинъ большой, другой поменьше и третій еще меньше. Всѣ они стоятъ по прямой линіи съ востока на западъ и на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи; такъ что достаточно взглянуть на одинъ, чтобы имѣть правильное представленіе о другихъ, если только они не были испорчены рукою человѣка. Недавно въ курганѣ, находящемся въ имѣніи нойона Гахаева, выкопана совершенно случайно каменная статуя плохой работы. Эта статуя представляетъ женщину въ обнаженномъ видѣ въ два аршина высотой. Статуя сдѣлана изъ известковаго камня. Она и теперь красуется на томъ курганѣ, гдѣ была найдена. Большинство подобныхъ кургановъ разрыты и потеряли свой первоначальный видъ. По словамъ калмыковъ-очевидцевъ, въ разрытыхъ курганахъ находили различныя охотничьи орудія или снаряды въ родѣ, на-примѣръ, стрѣлъ, луковъ, ножей и т. п. Въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчались разнообразныя земледѣльческія орудія, иногда старинныя монеты, вещи домашняго обихода, кости человѣческія и пр. Площадь улуса орошается значительнымъ числомъ

рѣкъ и рѣчекъ, а также озеръ и болотъ. Большинство рѣчекъ лѣтомъ высыхаютъ и русла ихъ покрываются сочною травою или же распахиваются подъ бакчи и поля. Всѣ почти рѣки впадаютъ въ озеро Манычъ. Лучшая изъ нихъ по обилію прѣсной воды Каганъ-сала, вершина ея въ балкѣ „Джельзе“. Съ правой стороны она принимаетъ Менгуту и Бюрне съ ручьемъ Живе. Вторая рѣка, впадающая въ озеро Манычъ, есть Заха-Джалга (Крайняя-Джалга). Въ нее впадаютъ: Аракинъ съ хорошими родниками, Гучунъ-Гурбунъ, что въ переводѣ значитъ „тридцать три“ балки, изъ которыхъ лучшая Запнакъ; а также Узунъ-гурбунъ. Третья рѣка, вливающаяся въ озеро Манычъ, есть Дуда-Джалга (Средняя-Джалга). Она принимаетъ въ себя три балки: Бодрикъ, Заха-Джалга малая и Меке-Джалга. Четвертая рѣка, впадающая въ озеро Манычъ, есть Кисте-Джалга, которая имѣетъ воду нѣсколько солоноватую. Кромѣ этихъ рѣкъ и рѣчекъ, по границѣ улуса протекаютъ еще Большой-Го и Малый-Гокъ, притоки Большаго (сладкаго) Егорлыка; послѣдній въ свою очередь изливается въ озеро Манычъ. Нельзя умолчать и о балкахъ, которыхъ въ улусѣ находится изрядное число; но изъ нихъ болѣе замѣчательны: Чаавдынъ, Байшанта, Магаденъ-сала, Битюшарабъ, Яшалта и Нойонъ-худукъ. Первые три балки имѣютъ хорошіе родники и прѣсную воду, а послѣднія три — прѣсную подпочвенную воду. Въ улусѣ есть и лиманы или болота, а именно: Нойонъ имѣетъ верстъ двадцать въ окружности, (Бурукшунъ большой; простирается верстъ до сорока въ окружности), Малый Бурукшунъ (почти въ половину большаго Бурукшуна), Нойонъ-баба, подъ которымъ извѣстны три лиманы. Всѣ лиманы въ былыя времена изобиловали водой даже въ годы засухи и покрыты были густымъ тростникомъ, гдѣ пернатое царство находило отличныя или уютныя мѣста для своихъ гнѣздъ; но въ нынѣшнія времена они лѣтомъ высыхаютъ и заростають густою сочною травою изъ породы болотистыхъ или осоки, по каковой причинѣ калмыки и арендаторы весьма дорожатъ лиманами, ибо съ нихъ получается обильный кормъ для скота, а послѣ сѣнокоса они считаются лучшими пастбищами, такъ какъ домашній скотъ здѣсь находить въ избыткѣ подножный кормъ и хорошую воду. Вода сохраняется въ глубокихъ котловинахъ, называемыхъ калмыками цандыками. Цандыки встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ улуса. Такіе цандыки образуются по ло-

щинамъ послѣ сильныхъ дождей и таянія снѣга; особенно ихъ много по берегамъ озера Маныча. Они по формѣ лужи, по большихъ размѣровъ. Нѣкоторые изъ нихъ бывають въ окружности около двухъ и болѣе верстъ.

Но еще больше находится воды въ нѣдрахъ земли. Подпочвенная вода составляетъ главный резервуаръ всей водной системы улуса. Подпочвенную воду можно встрѣтить всюду: по берегамъ и руслу рѣчекъ, балокъ и рѣкъ, въ цандыкахъ, въ лиманахъ и т. п. на глубинѣ отъ двухъ до 3-хъ сажень. Калмыки пользуются подпочвенной водой посредствомъ копанен или колодець, называемыхъ на ихъ языкѣ худуками. Худуки бывають не болѣе трехъ сажень глубины, имѣють широкой отверстіе круглой формы, и при томъ чѣмъ ближе ко дну тѣмъ уже, такъ что внутри они имѣють форму усѣченного конуса. Въ каждой мѣстности можно видѣть массу худуковъ. При каждомъ хотонѣ (селеніи) ихъ можно встрѣтить до 10 штукъ и болѣе, но изъ нихъ калмыки пользуются не болѣе, какъ четырьмя. Это происходитъ отъ того, что калмыки калдый годъ копають новыя копани или же поправляютъ старыя. Если вода оказывается солонцоватою, то калмыкъ бросаетъ только что вырытый худукъ и копаеть другой, продолжаетъ такимъ образомъ трудиться до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ воду, удовлетворяющую его вкусу и потребностямъ. Между тѣмъ заброшенные худуки съ теченіемъ времени дѣлаются хорошими, потому что солонцоватая вода отъ вліянія лучей солнечныхъ и отъ дѣйствія атмосфернаго воздуха пріобрѣтаетъ пріятный и прѣсный вкусъ.

Но такъ какъ подпочвенная вода по большей части бываетъ солончаковая, то и самая почва Большедербетовскаго улуса въ большей или меньшей степени оказывается солончаковая, хотя она состоитъ изъ песку или супесчаника. Впрочемъ по балкамъ и вообще по низкимъ мѣстамъ встрѣчаются небольшія полосы чернозема отъ 1 вершка до $\frac{1}{2}$ аршина въ толщину. Слѣдовательно, почва улуса, какъ солончаковая, должна быть признана за малородную. Если современныя распашки земли вполне вознаграждаютъ трудъ земледѣльца, то это единственно по тому, что почва ея пока еще дѣвственна и не истощена земледѣліемъ. Вслѣдствіе того, что солонцоватость почвы все болѣе и болѣе усиливается по мѣрѣ приближенія къ озеру Манычу, сообразно съ этимъ и плодородіе

земли измѣняется. По этому и надѣлъ земляной не вездѣ одинаковъ. Въ плодородныхъ мѣстахъ на каждую кибитку полагается по 15 десятинъ земли, въ малоплодородныхъ по 30 десятинъ. Самыми неплодородными мѣстностями считаются берега озера Маныча. По заявленію попечителя улуса Павла Петровича Сахирова, самая плодородная земля отведена Бюдермисову и Кюбетову родамъ, а также подъ Княземихайловскій поселокъ. Дѣйствительно, почва Княземихайловскаго поселка вполнѣ удобна къ земледѣльству, садоводству и даже къ лѣсоводству, не говоря уже объ огородничествѣ и скотоводствѣ. Особенно благопріятна къ земледѣлію въ обширномъ смыслѣ этого слова почва Яшалтинской балки, по срединѣ которой расположенъ Княземихайловскій поселокъ. Почва Яшалтинской балки исключительно черноземная съ примѣсью ила, который остается послѣ весеннихъ разливовъ. Это подмѣтилъ одинъ некрещеный калмыкъ Меньке Бадиновъ. Онъ сумѣлъ насадить правильно разбитый садъ изъ фруктовыхъ деревьевъ: вишенъ, грушъ, сливъ и другихъ плодовыхъ деревъ. Какъ намъ уже извѣстно, садъ этотъ перешелъ въ неприкосновенную собственность Княземихайловскаго миссіонерскаго стана. До Апрѣля мѣсяца 1892 года, по словамъ г. Дубровы, вновь благопріобрѣтенный садъ подчищался и поддерживался въ надлежащей чистотѣ и опрятности но съ поступленіемъ новаго миссіонера—священника о. Крастилевскаго онъ былъ оставленъ безъ вниманія вслѣдствіе происшедшихъ несласій съ перваго же раза; поэтому весенняя вода размыла ровъ, который ограждалъ доступъ сюда скоту, и садъ сталъ открытымъ или доступнымъ для скота, который не замедлилъ воспользоваться удобнымъ пастбищемъ и, конечно, поломалъ всѣ деревья. Удобства почвы для земледѣлія давно сознали крещеные калмыки и съ перваго момента своего появленія занялись земледѣліемъ. Въ нынѣшнемъ году крещеными калмыками было засѣяно до 70 десятинъ подъ хлѣбъ и до 11 десятинъ подъ бакчи, въ которыхъ пока растутъ арбузы, дыни, огурцы и только. Поля крещеныхъ калмыковъ были засѣяны или овсомъ, или пшеницей, или ячменемъ, или овсомъ, или льномъ. Но никто изъ нихъ не позаботился развести огородъ, или садъ, или лѣсъ, хотя почва благопріятствуетъ.

Изъ некрещеныхъ калмыковъ весьма немногіе занимаются земледѣіемъ. Большинство изъ нихъ предпочитаетъ отдавать свою землю въ аренду. Но изъ этихъ немногихъ успѣшно занимаются земледѣіемъ одни зайсанчи и нойоны. По дѣлу № 48 за 188 годъ видно, что у некрещеныхъ калмыковъ было засѣяно хлѣба: пшеницы озимой 217, яровой 24, ржи 6, овса 24, ячменя 18, проса $3\frac{1}{2}$, льна $5\frac{1}{2}$, конопля $2\frac{1}{2}$ и картофеля 6 четвертей. За то тѣ, кто занимается земледѣіемъ, успѣли поставить его въ надлежащія рамки. Мнѣ пришлось видѣть земледѣіе у многихъ зайсанговъ и найоногахаева. По моему мнѣнію, въ образцовомъ видѣ постановлена земледѣльство у нойона Гахаева и зайсанга Лапинова. У зайсанга Лапинова подъ пашней находится 306 десятинъ, подъ табачной плантаціей 20 десятинъ, подъ огородомъ и небольшимъ садомъ 5 десятинъ, подъ бакчами 15 десятинъ, подъ табачную плантацію 30 одсятинъ, подъ огородъ 8 десятинъ, подъ садъ 7 десятинъ, подъ бакчи 10 десятинъ и подъ лѣсъ 50 десятинъ. Лѣсъ посаженъ 5 лѣтъ тому назадъ и состоитъ изъ вяза, клена, тополя, дуба, орѣшнику и другихъ лиственныхъ деревь. Лѣсъ теперь вполне укрѣпился и въ будущемъ обѣщаетъ многое. Первая посадка вполне удалась. Деревья достигли до 1 сажени и болѣе высоты. Небольшую рощицу путешественникъ можетъ встрѣтить при Лапинскомъ хурулѣ. Вотъ единственные лѣса во всемъ Большедербетовскомъ улусѣ, если только сіи молодые разсадники можно назвать лѣсомъ.

Климатъ Большедербетовскаго улуса различенъ. Въ лѣтнее время онъ зноенъ. Сильныя жары доходятъ до 40° по R. Въ зимнее время климатъ бываетъ сырой. Въ сильную стужу термометръ понижается до 30° . Въ общемъ климатъ долженъ быть признанъ континентальнымъ. По словамъ калмыковъ, особенно сухостью отмѣчалось 1891 г. лѣто. Лѣто было такъ сухо, что въ концѣ Іюня выгорѣла вся трава, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ вся степь представляла изъ себя жалкую пустыню. Нынѣшнее лѣто было мягкое, потому что время отъ времени выпадали дожди. Въ степи давно замѣчено: если подуетъ восточный вѣтеръ, то воздухъ дѣлается сухимъ, на небѣ исчезаютъ дождевыя облака, на землѣ появляется засуха. Чѣмъ дольше дуетъ восточный вѣтеръ, тѣмъ общая жара усиливается и усиливается настоящей засухой. Въ такомъ случаѣ вода въ

рѣчкахъ и лиманахъ окончательно высыхаетъ, трава сохнетъ, земля оголяется и поднимаетъ тучи жгучаго песку. Въ такую погоду противъ вѣтра почти невозможно ѣхать. Если такой вѣтеръ случится во время уборки хлѣба, то хлѣбъ на корнѣ высыхаетъ, и зерно выливается, такъ что остается одна только солома, и та перегораетъ и такимъ образомъ мало-по-малу исчезаетъ. Вообще восточный вѣтеръ приноситъ много вреда. Совершенно иная картина получается, если дуетъ югозападный вѣтеръ который всегда приноситъ лѣтомъ прохладу и влагу; растительность распускается и усиливается, потому что воздухъ бываетъ насыщенъ водяными парами; отъ образованія дождевыхъ облаковъ выпадаютъ благодѣтельные дожди. Если такіе дожди случатся во время наливанія зерна, то урожаяй бываетъ обильный.

Въ нѣдрахъ земли Большедербетовскаго улуса нѣтъ никакихъ богатствъ кромѣ соли, и то около озера Маныча. Въ рѣчкахъ рыбы мало, и ту никто изъ калмыковъ не ловить. Русскіе же ловятъ ее бродомъ и особымъ рыболовномъ снарядомъ,—хваткой. Хватка—это обыкновенная сѣтка съ мелкими ячейками на деревянномъ обручѣ, къ краямъ котораго накрестъ прикрѣплены двѣ дуги изъ переломленнаго пополамъ деревяннаго обруча. Хватка оканчивается продолговатой ручкой въ видѣ шеста сажени въ $1\frac{1}{2}$. На сѣткѣ кладется приманка въ родѣ кусочковъ хлѣба, чтобы привлечь рыбу, и привязывается грузъ, чтобы хватка могла потонуть и лечь на дно рѣки. Минуть черезъ пять хватка постепенно вынимается изъ воды и задержанные врасплохъ караси и сазанчики выбрасываются на берегъ.

Если природа Большедербетовскаго улуса бѣдна произведеніями земли, то она богата царствомъ животныхъ и птицъ. Изъ дикихъ животныхъ или звѣрей водятся въ улусѣ: волки, барсуки, лисицы, чекалка, зайцы обыкновенные и земляные (тушканчики), хорьки, суслики, ежи, горностаи, крысы и мыши. Въ прежнія времена, по словамъ калмыковъ, въ Буркшунѣ и окло озера Маныча водились кабаны, паслись табуны дикихъ лошадей и цѣлыя стада сайгаковъ. Изъ домашнихъ животныхъ, по дѣлу № 48 за 1892 годъ, калмыки имѣли лошадей, козъ, верблюдовъ, овецъ и рогатый скотъ. Лошадей было: четырехлѣтнихъ 805, кобылъ 670, жеребцовъ 225; рогатаго скота—рабочаго 560, дойныхъ коровъ 4,195, гулевыхъ 5,751;

овецъ простыхъ 1,455, калмыцкихъ 1,100; козъ 519; верблюдовъ девять. Съ 1887 года у калмыковъ въ числѣ домашнихъ животныхъ появились свиньи. Необходимымъ домашнимъ животнымъ для калмыка служитъ собака. Здѣсь собаки бываютъ двухъ породъ—дворняжки или овчарки и степныя. Дворняжки необходимы для пастбы овецъ. Степныя собаки употребляются для охоты за лисицами, зайцами и даже волками.

Птицы въ улусѣ водятся больше въ дикомъ состояніи. Домашнихъ птицъ калмыки не любятъ держать, хотя для нихъ въ степи имѣются въ изобиліи кузнечики и другія насѣкомыя. Изъ дикихъ птицъ здѣсь встрѣчаются ястреба, беркуты, мышеловы, коршуны, бѣлые луны, совы, вороны, грачи, журавли, фазаны, драхвы, дудаки, лебеди, гуси, утки, чайки, воробьи, жаворонки, стрижи и пр. Изъ домашнихъ птицъ можно встрѣтить гусей, утокъ, индюковъ, курицъ. Особенно хорошо здѣсь водятся курицы и индюки. Гуси и утки здѣсь должны обходиться бевъ купанья въ водѣ, поэтому часто паршивѣютъ и отъ сильной жары издыхаютъ. Все это многообразное царство пернатыхъ находить обильную пищу въ мириадахъ насѣкомыхъ, каковы: кузнечики, тарантулы, пауки, мошки, комары, муравьи, бабочки и т. п. Собственно для человѣка царство насѣкомыхъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Особенно вредны для него тарантулы, по-калмыцки „манджи—абга“, и черныя пауки или „талуль—сумунъ“ Черныя пауки и тарантулы опасны своею ядовитостію не только для человѣка, но и для животныхъ, кромѣ овецъ, которыя безъ всякаго вреда для себя пожираютъ ихъ вмѣстѣ съ травой. Поэтому эти насѣкомыя боятся овецъ. Это давно замѣтили калмыки и по сей причинѣ свѣтуютъ своимъ заѣзжимъ гостямъ класть вокругъ постели кусочки овечьей шерсти или одѣваться кошмами изъ овечьей шерсти. Калмыки также вполне увѣрены, что тарантулы и черныя пауки сильно боятся дегтярнаго запаха. Наконецъ, въ Большедербетовскомъ улусѣ встрѣчаются земноводныя животныя въ родѣ ящерицъ, лягушекъ и змѣй. Среди калмыковъ есть повѣрье, что лягушки падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождемъ, отъ чего и называются дождевыми. Дѣйствительно, послѣ каждаго дождя особенно сильнаго и продолжительнаго ихъ появляется весьма много даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ поблизости ни рѣчки, ни ручейка. Всѣ дождевыя лягушки бываютъ мелкой породы и имѣютъ

свѣтлосѣрую кожу. Впрочемъ въ рѣкахъ и въ другихъ бассейнахъ водятся и крупныя лягушки чернаго цвѣта. Змѣй здѣсь весьма много, и всѣ безвредны. Ядовитыхъ змѣй трудно встрѣтить. Дороги въ улусѣ находятся въ первобытномъ состояніи. Ремонта имъ не полагается, мостовъ почти нѣтъ; поэтому въ дождливое время чрезъ ручьи и болота ѣзда прекращается. Какую дорогу дала природа, такова она и есть. По одной и той же дорогѣ ядомъ идетъ много разѣздовъ. Кому гдѣ вздумалось, тамъ онъ и ѣдетъ. Чрезъ улусъ пролегаетъ только одна проселочная дорога, такъ называемая Ростово-Моздокская. Она перерѣзываетъ улусъ по прямой линіи съ юго-востока къ сѣверо-западу и проходитъ мимо двухъ хотоновъ: Санджи-Полтеева и Чоно-Хараманджіева.

III. Этнографія Большедербетовскаго улуса.

Главными хозяевами, такъ сказать господами калмыцкой степи Большедербетовскаго улуса являются калмыки. Всѣ калмыки средняго роста, приземисты и коренасты. Великановъ нѣтъ, нѣтъ и карликовъ. Кажется, калмыки неспособны къ ожирѣнію: тучнаго челоуѣка здѣсь трудно встрѣтить, толстякъ - калмыкъ большая рѣдкость. Приземистость и коренастость свидѣтельствуетъ о способности къ физическому труду и выносливости. И дѣйствительно, калмыкъ легко переноситъ продолжительный физическій трудъ. Въ этомъ каждый можетъ убѣдиться, если ему придется видѣть калмыка за дѣломъ, сроднымъ съ его натурой. Цвѣтъ тѣла у калмыковъ смуглый. По всей вѣроятности, это происходитъ не отъ природы, а отъ нечистоплотной жизни. Калмыки постоянно находятся подъ открытомъ небомъ и на открытомъ воздухѣ подъ палящими лучами солнца, особенно въ лѣтнюю пору, и никогда не моются въ банѣ. Дѣти ихъ нагишемъ бѣгаютъ по улицѣ и валяются въ грязи. Съ самаго рожденія малютку держатъ въ грязныхъ пеленкахъ и въ дымной кибиткѣ около огня. Удивительно ли послѣ этого, если тѣло ихъ при такомъ воспитаніи становится темнооливковымъ. Тѣмъ не менѣе среди нихъ встрѣчаются бѣлотѣлыя и бѣлолицыя личности, преимущественно изъ цаганъ-йасынъ. Съ перваго разу калмыки кажутся некрасивыми, но, если всматриваться, они оказываются благообразными. Среди женщинъ бываютъ своего рода краса-

вицы, которыя, при иной обстановкѣ и въ другой одеждѣ, могутъ посчитаться съ европейскими красавицами. Лице калмыки имѣютъ плоское съ выдающимися скулами и узкими глазами. Вслѣдствіе оспы многіе имѣютъ бѣлыя на глазахъ. У всѣхъ калмыковъ безъ исключенія зубы бѣлы, какъ слоновая кость, а также отличаются необыкновенною крѣпостью. Калмыки легко раздробляютъ и пережевываютъ кости барановъ и другихъ мелкихъ животныхъ; мелкія и особенно хрящевыя они разжевываютъ, какъ муку, и преспокойно препровождаютъ въ животъ. Страдающихъ зубной болью почти нѣтъ. Волосы черны, какъ смоль, и жестки, какъ конскій волосъ. Мушны ходятъ безбородыми, потому что или вырываютъ волосы особыми щипцами, или брѣютъ наголо. Нѣкоторые изъ нихъ оставляютъ небольшой клочекъ бороды на нижней губѣ въ видѣ эспаньолки и немного на верхней губѣ въ родѣ усовъ. Старики дозволяютъ себѣ отпускать бороду на подбородкѣ. Жрецы ихъ сверхъ того брѣютъ волосы на головѣ, ибо имъ закономъ строго воспрещается имѣть волосы отпущенными, кромѣ шибе (духовныхъ учениковъ) и манджиковъ (учениковъ вообще), которымъ дозволяется, даже заповѣдуются имѣть чубъ на головѣ, чтобы гелюngu-учителю можно было наказывать за волосы неисправнаго ученика. Женщины обязательно растятъ свои волосы. Женщинѣ стричь волосы не дозволяется. Только дѣвчкѣ до 8-лѣтняго возраста наравнѣ съ мальчиками позволено стричь волосы. Лишь только дѣвочка начинаетъ переходить въ возрастъ дѣвицы, а тѣмъ болѣе невѣсты, она отращиваетъ волосы и заплетаетъ въ одну косу или въ восемь косъ, спуская ихъ назадъ—на спину. Замужнія я и вдовы заплетаютъ волосы въ двѣ косы, спуская ихъ напередъ—на грудь и заворачивая ихъ въ черныя чехлы. Чѣмъ коса длиннѣе, тѣмъ лучше.

Калмыковъ можно раздѣлить на три сословія: 1) цаганъ-йасынъ, 2) хувараки и 3) харусъ-улуйъ (черный народъ) или хара-йасынго (черная кость). Цаганъ-йасынъ (бѣлая кость)—эта своего рода аристократія. Ее составляютъ нойоны и зайсанги со своими домочадцами и родственниками. Русское правительство приравнило нойоновъ къ князьямъ, аймачныхъ зайсанговъ—къ почетнымъ гражданамъ, безъаймачныхъ зайсанговъ къ личнымъ гражданамъ. Хувараки (жречество) составляютъ привилегированное сословіе. Сюда относятся различныя чины

жречества, какъ то: бакши, гелюнги, гецюли и манжики. Хара-улусъ являются калмыки простолюдины. Они служатъ тяглою силою на аристократію и жречество. Въ 1891 году они сравнены съ русскими крестьянами. Хара-улусъ относится къ цаганъ-йасынъ и къ хуваракамъ съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Если простолюдинъ встрѣтитъ на улицѣ нойона или зайсанга, то онъ остонавливается и прикладываетъ правую руку ко лбу; если нойонъ или зайсангъ ѣдетъ на конѣ, то калмыкъ постарается остановиться и простоять до тѣхъ поръ, пока его патронъ не проѣдетъ мимо; если простолюдину случится войти въ домъ кого-либо изъ цаганъ-йасынъ, то онъ войдетъ не иначе, какъ съ правой стороны кибитки, хотя бы ему пришлось обойти кругомъ почти всю кибитку. Вошедши въ жилище, онъ становится на корточки, складываетъ руки на груди, касается лбомъ края одежды хозяина дома; нойонъ же или зайсангъ дотрогивается до плеча вошедшаго въ домъ, — чѣмъ и оканчивается обычное привѣтствіе. Отдавши должное почтеніе, калмыкъ становится на колѣни у порога, садится на пятки и излагаетъ дѣль своего прихода. Если ему больше нечего дѣлать, то онъ спѣшитъ удалиться, чтобы такимъ образомъ не стѣснять никого, и непременно выйдетъ вонъ такъ, чтобы онъ могъ видѣть лицо своего патрона до послѣдняго момента. Такимъ же почетомъ чествуются и хувараки со стороны хара-улусъ и даже цаганъ-йасынъ, особенно высшіе чины жречества: бакши и гелюнги, которые привѣтствующимъ ихъ преподаютъ благословеніе рукой или книгой. Въ томъ или другомъ случаѣ онъ касается лба своего духовнаго чада. За благословеніе онъ получаетъ въ видѣ жертвы монеты, скоть, вещи и тому подобныя приношенія. Чѣмъ старше хуваракъ по своимъ лѣтамъ и по своему положенію въ ламайской іерархіи, тѣмъ онъ большимъ почетомъ пользуется со стороны даже хувараковъ. Напримѣръ, въ присутствіи бакши гелюнги, гецюли и манжики должны стоять или сидѣть, впрочемъ на пяткахъ, у порога. Вотъ сидитъ гелюнгъ въ своей кибиткѣ и занимается съ манжиками, вдругъ входитъ бакша; гелюнгъ тотчасъ же отправляется къ порогу и садится на корточки, а манжики становятся на колѣни. Если хувараку приходится бывать у бакши, то онъ входитъ къ нему съ соблюденіемъ обычнаго этикета, принимаетъ благословеніе и потомъ уже вступаетъ въ разговоръ, находясь на указанномъ мѣстѣ и въ извѣстной

позѣ. Въ свою очередь каждый хуваракъ пользуется честію, сообразно съ возрастомъ и положеніемъ. Вообще среди хуваракъ строго соблюдается чиноначаліе. Манжикі должны воздавать честь и уваженіе гецюлямъ, гецюли — гелюгамъ, гелюнги — бакшамъ, бакши — ланамъ и т. д. Женскій полъ имѣетъ предпочтеніе въ чествованіи предъ мужчинами. Особенно это видно во время танцевъ. Мужчина приглашаетъ женщину не иначе, какъ становясь на правое колѣно и касается правой рукой сначала своего лба, а потомъ колѣнъ женщины; женщина, приглашая мужчину, дѣлаетъ просто головной поклонъ и касается тоже правой рукой только плеча мужчины. Послѣ танцевъ кавалеръ благодаритъ свою даму тѣмъ же порядкомъ, а дама, если она замужняя, благодаритъ однимъ поклономъ или глазами, если она дѣвица. Иногда замужнія женщины и вдовы благодарятъ мужчинъ, поглаживая правой рукой кончики волосъ, выходящихъ изъ чехловъ. Калмычка пользуется почетомъ и въ обычной жизни. Калмычка не сѣдлаетъ коня; это дѣло мужчины. Мужчина долженъ приготовить коня и подвести къ женщинѣ, если она намѣрена ѣхать. Никто изъ мужчинъ не имѣетъ права передать своего коня женщинѣ, чтобы она подержала его, хотя бы наѣзникомъ былъ самъ нойонъ. Калмыкъ, замѣтивъ, что женщина хочетъ сойти съ коня, долженъ спѣшиться и помочь ей сойти съ сѣдла. Молодой калмыкъ никогда не рѣшится поцѣловать, а тѣмъ болѣе схватить за грудь дѣвицу при постороннихъ свидѣтеляхъ. Нарушители подвергаются денежному штрафу, какъ преступники. Тѣмъ большей ответственности подлежитъ виновный, если онъ публично обругаетъ женщину. Хозяинъ дома принадлежитъ право угощать гостей. Отказаться отъ ея угощенія считается большою невѣжливостью. Отказъ считается явнымъ оскорбленіемъ, если гость отказывается отъ кушанья только что на его глазахъ свареннаго и приготовленнаго самой хозяйкой. Если гость не хочетъ ѣсть или пить, то онъ изъ поднесеннаго кушанья хоть немного долженъ отвѣдать, а изъ поднесеннаго напитка, что называется, — пригубить, чтобы не оскорбить и почтить гостепріимную калмычку. Въ каждомъ семействѣ глава получаетъ должное почтеніе отъ всѣхъ домашнихъ. Подгулявшій сынъ не осмѣлится явиться на глаза отцу. Онъ скорѣе подъ ночуетъ въ степи открытымъ небомъ, чѣмъ рѣшится оскорбить своего отца нарушеніемъ обычнаго

приличія. Жена и дѣти въ присутствіи главы дома должны молчать, если ихъ не спрашиваютъ, во время обѣда или ужина дожидать своей очереди и вести себя скромно. Тѣмъ паче не полагается осуждать своего отца или мужа. Молодежь калмыцкая воздастъ честь старшимъ себя возрастомъ сообразно съ ихъ достоинствомъ. Молодой калмыкъ, явившись въ чужой хотонъ, садится на колѣни у дверей той кибитки, куда ему нужно войти. Если не позволятъ войти, то возвращается вспять и переходитъ къ другой кибиткѣ. Впрочемъ отказать путнику въ приемъ считается большою невѣжливостію. Вошедши въ кибитку, юноша привѣтствуетъ каждого, сообразуясь съ его положеніемъ, возрастомъ и поломъ; въ свою очередь и самъ получаетъ отъ каждого приличное привѣтствіе. При старикахъ молодежь не начнетъ танцевъ, игръ или другихъ какихъ-либо забавъ, если не получитъ на то дозволенія. Если старикамъ вздумалось посмотрѣть на веселье молодежи, то молодежь по первому ихъ желанію заводитъ веселье и старается сдѣлать развлеченіе интереснымъ, чтобы старики были довольны. Обычное привѣтствіе состоитъ въ томъ, что калмыки, пожимая другъ другу руки, говорятъ: „менде!“ „менде!“ (здравствуй! здравствуй). Родственники, особенно ближайшіе, привѣтствіе обычное довершаютъ взаимными поцѣлуями. Нельзя не замѣтить, что калмыцкое рукопожатіе состоитъ въ томъ, что просто-на-просто сдвигаются правыя руки ладонями и прижимаются лѣвыми руками, такъ что правая рука каждого изъ нихъ въ моментъ привѣтствія оказывается между ладонями рукъ здоровающихся. Иногда рукопожатіе ограничивается однимъ соприкосновеніемъ правыхъ рукъ въ мѣстѣ соединенія кистей. Нельзя умолчать о томъ, что въ послѣднее время калмыки начинаютъ здороваться чисто по-русски. Подражаніе русскому особенно замѣтно среди крещеныхъ калмыковъ. Крещеные калмыки въ сословныхъ привѣтствіяхъ соблюдаютъ и калмыцкій этикетъ, но въ то же время многое переняли и у русскихъ. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ крещеный калмыкъ привѣтствуетъ своего собрата русскимъ рукопожатіемъ и русскимъ „здорово!“ Къ русскому духовенству крещеные калмыки относятся по-русски. Если они встрѣтятъ учителя, или псаломщика, или помощника миссіонера, то снимаютъ шапку и говорятъ: „здравствуйте!“ Если увидятъ священника, то подходятъ подъ благословеніе; только

по своей неразвитости они цѣлуютъ руку священника, какъ икону, т. е., осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Но, конечно, виноваты не калмыки, а священникъ—миссіонеръ, который по сіе время не счелъ своею обязанностію объяснить калмыкамъ, какъ должно принимать благословеніе отъ священника и что оно означаетъ или напоминаетъ.

Универсальнымъ жилищемъ калмыка, какъ во времена Чингисхана, такъ и теперь, служитъ кибитка. Да не подумаетъ читатель, что калмыцкая кибитка хоть сколько нибудь похожа на нашъ экипажъ. Калмыцкая кибитка простой войлочный шатеръ на деревянномъ остовѣ, имѣющемъ форму усѣченного конуса. Кибитка состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) терме, 2) унинъ, 3) харача, 4) юдень, 5) ыңге и 6) хашлунъ. Терме дѣлается изъ дерева: для сего приготавливаются палочки круглой или четырехъ-угольной формы около 2 аршинъ въ длину и складываются другъ на друга такъ, что образуютъ изъ себя правильную рѣшетку. Составленная такимъ образомъ рѣшетка прилаживается къ деревянной рамѣ различной величины, сообразно съ величиной будущей кибитки. Число терме бываетъ либо 5, либо 6, либо 7, либо 8. Терме, назначенная для входа, имѣетъ отверстіе, куда вдѣлывается юдень — дверь. Для того, чтобы поставить кибитку, терме прикладываютъ другъ къ другу такъ, что образуется кругъ, при, чемъ терме къ терме прикрѣпляется сыромятными ремнями. Чтобы кибитка стояла твердо, не расширалась и не шаталась отъ вѣтра, терме обвязываютъ кругомъ шерстяной тесьмой, называемой калмыками хашлунъ, шириной въ одинъ вершокъ; а чтобы терме не высыхались отъ солнца, ихъ окрашиваютъ краской или смазываютъ жиромъ. Поверхъ терме ставятся унины въ наклонномъ положеніи и вверху опираются въ харача (деревянный кругъ) или, иначе говоря, харача виситъ на унинахъ. Унины—это жерди обычной толщины и длины. Чѣмъ больше кибитка, тѣмъ унины длиннѣе и наоборотъ: чѣмъ кибитка меньше, тѣмъ унины короче; но во всякомъ случаѣ не длиннѣе $1\frac{1}{2}$ сажень. Число унинъ бываетъ пропорціонально числу терме и величинѣ ихъ. Такъ, напримѣръ, для кибитки въ 6 рѣшетокъ (терме) потребуется 76 унинъ, полагая на каждую терме по 12 унинъ и надъ входомъ 4 унины. У людей богатыхъ унины выкрашиваются, но бѣдняки обходятся и безъ этой роскоши тѣмъ болѣе, что онѣ впоследствии отъ дыма совсѣмъ чернѣютъ. Унины вста-

вляются въ харача въ особыя отверстія или дырочки, величина которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ толщинѣ унинъ. Харача составляется изъ двухъ или трехъ полукруглыхъ обрубокѣв дерева, связанныхъ между собою, выражаясь плотничьимъ терминомъ, въ замокъ, такъ что представляютъ изъ себя правильный кругъ около аршина въ діаметрѣ. Для большей прочности харача снаружи оббивается сыромятнымъ ремнемъ наглухо, для чего по окружности харача дѣлается продольный желобъ. Поверхъ деревяннаго круга, опирающагося на унины, придѣлывается двѣ дуги, накрестъ сложенныхъ. По словамъ калмыковъ, харача весьма трудно сдѣлать; поэтому харача калмыки тщательно оберегаютъ при кочевьѣ. Не менѣе оригинальнаго устройства кибиточная дверь или юдень. Юдень состоитъ изъ створчатыхъ дверей, которыя вдѣлываются въ особую рамку двухдюймовой толщины. Рама, которая соотвѣтствуетъ двернымъ нашимъ косякамъ, въ вышину бываетъ не болѣе 2 аршинъ. Для порога вставляется доска въ четверть шириною. Дверцы вдѣлываются такъ, чтобы отворялись внутрь кибитки. Онѣ запираются на ночь деревянными засовами сверху и снизу. Это все деревянные части кибитки. Установленныя вышеописаннымъ способомъ, онѣ составляютъ остовъ кибитки. Дальнѣйшія принадлежности кибитки дѣлаютъ уже изъ овечьей шерсти. Приготовленіе ихъ лежитъ на обязанности калмычекъ, калмыки же ограничиваютъ свою дѣятельность приготовленіемъ деревянныхъ частей кибитки. Главную принадлежность шерстяныхъ частей кибитки составляютъ ышге или войлока, т. е., кошмы бѣлыя или сѣрыя. Онѣ набрасываются на остовъ кибитки и закрываютъ её снаружи со всѣхъ сторонъ. По формѣ онѣ бываютъ трехъ родовъ: однѣ обхватываютъ терме и нижнюю часть унинъ, а поэтому имѣютъ видъ параллелограмма; другія закрываютъ всѣ унины, начиная отъ харача, и свѣшиваются на терме поверхъ предъидущихъ войлоковъ, а поэтому имѣютъ форму разрѣза усѣченнаго конуса; третій войлокъ покрываетъ харача и называется цагрыкъ, а поэтому имѣетъ форму башлыка съ четырьмя углами, которыя окончиваются тесьмами или шнурками въ видѣ веревокъ, чтобы можно было цагрыки привязать къ кибиткѣ за терме. Для прочности ышге по краямъ обшиваются тонкимъ шерстянымъ шнуромъ, по калмыцки „зекъ“. Къ верхнимъ краямъ каждой ышге пришивается поузкой, но длинной (3 сажени) тесьмѣ, на которыхъ ышге

держится на остовахъ кибитки, какъ на помочахъ. Кромѣ того, нужна еще дверная занавѣсь, которая дѣлается изъ войлока и закрываетъ юденъ съ наружной стороны.

Въ вѣтрѣную погоду кибитка привязывается къ кольямъ, вбитымъ въ землю, при посредствѣ длинныхъ аркановъ. Эти арканы идутъ отъ цагрыка прямо къ кольямъ. Посредственная кибитка цѣнится не менѣе 100 рублей снову. Есть кибитки и дороже, отъ 200 до 300 и даже 400 рублей. Въ такихъ кибиткахъ, не говоря уже о томъ, что описанныя части ихъ сдѣланы изъ лучшаго и прочнаго матеріала, внутренность ихъ по уинамъ и терме обтянута шелковой матеріей. Установка кибитокъ лежитъ на обязанности женщинъ. Лишь только перекочевалъ калмыкъ на новое мѣсто, женщины спѣшатъ разставить кибитку. Окончивъ это дѣло, но не приступая къ внутреннему убранству, калмычка спѣшитъ приткнуть снаружи кибитки около дверей на особомъ шестѣ дарцокъ, т. е. лоскутокъ какой либо матеріи съ таинственными іероглифами. По объясненію однихъ, дарцокъ долженъ прогнать отъ кибитки всю нечистую силу, которая у калмыковъ носитъ различныя наименованія, какъ то: шимнусы, ракшасы, ассуріи, читкюры; по объясненію другихъ, дарцокъ ставится для того, чтобы чрезъ него могли сойти на землю небожители, какъ то: тенгрии, девы, будды, бодисатвы. Калмыки, обыкновенно, ставятъ кибитки дверьми на югъ. На вопросъ: „почему они такъ дѣлаютъ?“—большинство отвѣчаетъ: „нашъ законъ таковъ“. Но ихъ гелюнги объясняютъ: такъ-какъ въ Тибетѣ, который находится на югѣ, живетъ Далай-лама, къ которому изъ безграничнаго благоговѣнія очи всѣхъ буддистовъ должны быть постоянно обращены, то калмыки и строятъ дверь на югъ, чтобы чрезъ нее душевными очами они могли видѣть великаго бакшу (учителя). По моему мнѣнію, еслибы дѣло было такъ, то калмыкамъ Ставропольскимъ слѣдовало бы ставить кибитки на юго-востокъ-востокъ, потому что Лясса, или Хласса, гдѣ живетъ Далай-лама, находится отъ нихъ почти на востокъ и нѣсколько къ югу; поэтому легче объяснить это дѣломъ привычки. Известно, что калмыки сильно держатся старины: они также строятъ свои кибитки, какъ и во времена Чингисхана, когда они жили въ Азіи въ Монголіи, гдѣ два главныхъ вѣтра: южный и сѣверный. Южный вѣтеръ теплый, а сѣверный холодный. Чтобы сѣверный вѣтеръ менѣе остуживалъ кибитку,

калмыки въ тѣ времена нашли лучшимъ ставить кибитку дверями на югъ. Со временемъ это вошло въ привычку и во всеобщее употребленіе. Таковую привычку калмыки перенесли и на новыя поселенія. Это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что предки нашихъ калмыковъ, по Юань чоа миши, строили кибитки на югъ еще до принятія буддизма, когда они были послѣдователями „черной вѣры“ или шаманства, и когда не было даже Далай-ламы.

Вошедши внутрь кибитки, калмычка принимается за убранный ея. Прежде всего она устраиваетъ брачное ложе прямо противъ входа въ кибитку. Это ложе называется у калмыковъ оронъ (царство). Оно состоитъ изъ деревянной кровати на низкихъ ножкахъ. Поверхъ кровати стелется дёрбѣлджинъ (четырёхугольникъ). Дёрбѣлджинъ есть ничто иное, какъ продолговатый тюфякъ изъ кошмы, въ нѣсколько разъ сложенный, четырёхугольной формы. Въ ногахъ и въ изголовьи кладутся круглыя кожаныя подушки, набитыя разнымъ бѣльемъ. Это кюльбокцо (въ ногахъ) и дерьбокцо (въ изголовьи). Постель покрывается одѣяломъ, которое называется кюнджилъ. У богатыхъ надъ кроватью навѣшивается одикунге или балдахинъ въ родѣ полога. Подъ пологомъ бывають занавѣсы, по калмыцки—юмарчи. Влѣво отъ кровати находится большой баранъ, куда складываются дорогія вещи и ставятся сундуки одинъ на другой. Сундукъ верхній покрывается ковромъ, на которомъ ставятся литые и лѣнные шутены, т. е., изображенія бурхановъ или боговъ. Предъ шутенами на особыхъ столикахъ возлагаются различныя жертвы, какъ то: вода, пшеница, ароматныя куренія и прочее; но отнюдь не позволяется приносить въ жертву бурханамъ конину или опьяняющіе напитки. Мѣсто, гдѣ стоятъ шутены, называется „арсалангъ-ширя“ (львиный престолъ) или „ниша“; столикъ, на которомъ размѣщаются жертвы, „тахилійнъ-ширя“, (жертвенный столъ); жестыя чашечки, въ которыхъ помѣщаются жертвенныя приношенія,— „чѣкчи“; а самыя жертвы— „дѣджи“ (начатки), потому что въ одну изъ нихъ всегда кладется или вливается та часть кушанья или питья, которая должна быть или первымъ кускомъ или первымъ глоткомъ старшаго лица въ семьѣ.

Самымъ лучшимъ жертвоприношеніемъ служить кусочекъ баранины отъ задней лопатки, именуемой на калмыцкомъ языкѣ „шага-чимгенъ“. Мѣсто по правую сторону кровати

называется малымъ бараномъ. Въ немъ помѣщается вся домашняя утварь, съѣстные припасы и вино. Здѣсь ставится „юкюк“ или ящикъ, въ которомъ хранится лучшая посуда. Тутъ же стоятъ и другіе сундуки съ хозяйскимъ добромъ. Рядомъ съ ними, поближе къ двери, устанавливаются бурдюки или кожаные мѣшки съ кумысомъ, а также бортого (тоже въ родѣ кожаного мѣшка) съ „арака“ (калмыцкой водкой). Еще ближе къ двери ставятся на землю котлы, надъ которыми къ унизу привѣшивается доска вмѣсто полки съ разной домашней посудой. Однакожь и здѣсь, вблизи постели, прикрѣпляется къ одной изъ унинъ небольшой шутенъ какого либо бурхана, почему въ параллель большому барану и называется малымъ бараномъ. Мѣсто между „оронъ“ и большимъ бараномъ предназначается для дочери невѣсты. Тутъ ставять только для вида „орондукъ“ или маленькую кровать, которая весьма роскошно убирается. Посреди кибитки устроенъ „тулга“, или желѣзный таганъ, подъ которымъ почти постоянно тлѣетъ „кязякъ“ или „аргасунъ“¹⁾). Огонь согрѣваетъ въ зимнюю пору малыхъ дѣтей и стариковъ. Старики лежатъ около огня и поворачиваютъ къ нему то одинъ бокъ, то другой. На этомъ же огнѣ готовится незатѣйливая калмыцкая пища. Поэтому на тулгѣ постоянно стоитъ чугунный котель съ водой, или съ молокомъ, или съ другою какою нибудь жидкостью. Тулга находится какъ разъ противъ отверстія кибитки. Это отверстие образуется харача и именуется „ѳргѳ“, которое такимъ образомъ служитъ дымовую трубою и въ то же время замѣняетъ наши вентиляторы. Котловъ во всякой кибиткѣ бываетъ не менѣе трехъ; одинъ большой для приготовления чая, варенія мяса и т. п.; а остальные два меньшихъ размѣровъ для выкуриванія водки изъ молока. Посуда у калмыковъ по большей части кожаная. Для хранения кумыса и арьяна служатъ бурдюки и архытъ. Архытъ своего рода кожаная бутылъ четырех-

¹⁾ Кязякъ и аргасунъ—это топливо изъ помета домашнихъ животныхъ. Аргасунъ—не обработанный пометъ, который, оставшись на полѣ, высыхаетъ и обращается въ твердые пластинки разнообразной формы и толщины; кязякъ—обработанный пометъ. Онъ готовится съ примѣсью соломы въ видѣ лепешекъ овальной формы въ 1 четверть величиною и высушивается на солнцѣ, а затѣмъ складывается въ пирамиды и обмазывается кругомъ сырымъ пометомъ для зимняго употребленія.

гранной формы; для перевозки араки служитъ бортого, вмѣщающій отъ $\frac{1}{4}$ ведра до $\frac{1}{2}$; для ношенія воды сѹлга, т. е. кожаная ведро, которыя замѣняютъ и наши подойники, хотя въ послѣднее время, по словамъ калмыковъ, они стали покупать подойники, ведра, кадки, бутылки, горшки русскаго издѣлія.

У состоятельныхъ людей сварившійся калмыцкій чай изъ котла переливается въ особую деревянную посуду — домбо. Домбо бываетъ около 1 аршина въ вышину. Чѣмъ ниже, тѣмъ домбо расширяется, такъ что онъ походитъ по своей формѣ на усѣченный конусъ или на кадущку съ узкимъ верхомъ. Домбо дѣлается изъ орѣховаго дерева, обручи на немъ мѣдныя или серебряныя. На $2\frac{1}{2}$ вершка отъ верху вдѣлывается глухая крышка съ одной дырочкой, чтобы вливать и выливать чай. Домбо цѣнится не менѣе 5 рублей; поэтому простолюдины обходятся и безъ него, разливая чай прямо изъ котла по чашкамъ. Чашка, по калмыцки, тоже ага дѣлается изъ орѣховаго дерева. По калмыцкому обычаю, каждый членъ семейства долженъ имѣть свою чашку. Чай и прочая похлебка разливается по чашкамъ деревяннымъ ковшемъ съ длинной ручкой. Онъ называется шанга. Оставшійся чай они берегутъ, высушивая на солнцѣ; по сей причинѣ чай разливаютъ, процеживая чрезъ сито изъ конскихъ волосъ. Это сито именуется „шюръ“.

Сзади кибитки придѣлывается особый загонъ, состоящій изъ рѣшетокъ нанодобіе терме. Загонъ соответствуетъ нашимъ дворамъ. Сюда калмыки на ночь и преимущественно въ мятель загоняютъ рогатый скотъ, верблюдовъ, овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Этотъ-то загонъ съ кибитками калмыками называется „хотонъ“, а калитка, ведущая въ хотонъ, — „хотони хасабчитā бичикинъ юденъ“. Лошади у калмыка всегда зиму и лѣто, день и ночь, пасутся въ степи; прочій же скотъ въ ненастье и бурю, какъ уже сказано, загоняется въ хотонъ. Такъ какъ воровство происходитъ ночью, то калмыки никогда не скажутъ, что у него „лошадь украли изъ хотона“ или корову угнали со степи“, но непременно: „лошадь украли изъ табуна“ или „корову украли изъ хотона“. Въ настоящее время, побуждаемые правительствомъ жить осѣдло, калмыки вмѣсто хотоновъ устраиваютъ базы. Это небольшія площадки, обнесенныя рвомъ и насыпью изъ земли и сѣна или просто травы. Таково въ общихъ чертахъ устройство жилища простолюдина

и аристократа. Хотя хуvaraки тоже живутъ въ кибиткахъ, но кибитки ихъ не имѣютъ ни загоновъ, ни базъ, да и внѣшній видъ ихъ, а тѣмъ болѣе внутренній, нѣсколько отличается отъ кибитокъ калмыковъ вообще. Внѣшнее отличіе заключается въ томъ, что кибитки хуvaraковъ дверями строятся по направленію къ хурулу; стало быть, кибитка хуvaraка можетъ стоять на югъ, сѣверъ, востокъ, западъ, короче говоря, на всѣ страны свѣта. Внутреннее убранство и устройство кибитки хуvaraка проще и чище. Прямо противъ двери помѣщается большой баранъ, а по бокамъ барана ставятся два „орона“; малаго барана и „тулга“ со всѣми кухонными принадлежностями не увидишь, потому что хуvaraки дома не готовятъ пищу, а ѣдятъ и пьютъ въ хурулѣ. Вслѣдствіе этого въ кибиткѣ такой нѣтъ ни копоти, ни специфическаго запаха, что невольно бросается въ глаза въ кибиткѣ калмыка. Въ зимнее время почти всѣ хуvaraки живутъ или въ саманныхъ домахъ, или же въ деревянныхъ. Саманные дома болѣею частію одноэтажные. Они строятся безъ опредѣленнаго плана, почему бываютъ различной величины и состоятъ отъ 2—4 комнатъ, но всѣ имѣютъ сѣни, а потому и двое дверей обычнаго устройства. Въ нихъ для отопленія дѣлаются печи въ русскомъ стилѣ. Труба съ наружной стороны, т. е., надъ крышей оканчивается чугуномъ или глинянымъ горшкомъ съ отбитымъ дномъ. Деревянные дома бываютъ одноэтажные и двухъэтажные, но болѣе одноэтажные. Устройство ихъ вообще въ русскомъ стилѣ. Что касается крещеныхъ калмыковъ, то нужно замѣтить: одна часть ихъ живетъ попрежнему и зиму и лѣто въ кибиткахъ, а другая часть обитаетъ зиму въ саманныхъ домахъ, на лѣто же предпочитаетъ выселяться въ кибитки. Нельзя умолчать также и о томъ, что крещеные калмыки не оставили своей привычки строить жилища дверями на югъ. Впрочемъ они объясняютъ это тѣмъ, что отсутствіе дверей на сѣверѣ защищаетъ ихъ отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ. Внутреннее устройство осталось то же, только на большомъ баранѣ красуется святая икона и отсутствуетъ тахилійнъ—ширя. Равнымъ образомъ чистота у крещеныхъ калмыковъ видна повсюду, а также и порядокъ въ домѣ. Здѣсь нѣтъ той грязи и хаоса, какой можно встрѣтить въ кибиткѣ некрещенаго калмыка. Калмыки называютъ себя „уланъ-залата-халимакъ“, т. е. краснобрючниками. Въ самомъ дѣлѣ у калмыковъ верхушки

шапокъ краснаго цвѣта; если шапка имѣеть верхушку другога цвѣта, то кисточка или пуговка, которая нашивается на макушкѣ шапки, бываетъ непременно краснаго цвѣта и называется „зола“. Самая шапка извѣстна подъ общимъ именемъ „махлай“. По своей формѣ „махлай“ бываетъ разнообразнаго вида, ибо каждому возрасту и полу полагается своя шапка. До восьмилѣтняго возраста калмычата бѣгаютъ съ открытыми головами или же носятъ небольшую шапку, извѣстную подъ именемъ „торчокъ“, которая весьма походитъ на татарскую тюбетейку и готовится изъ кумача желтаго и краснаго въ перемѣжку. Дѣвочки начинаютъ носить торчокъ еще раньше. Съ 8 до 10 и даже до 12 лѣтъ калмычки носятъ „тумашъ-махлай“. Она по формѣ походитъ на русскую теплую шапку съ плоскимъ дномъ; околышъ у ней изъ отдѣльныхъ полосъ трехъ цвѣтовъ чернаго, краснаго и желтаго, подкладка простегивается на верблюжьей шерсти или тонкомъ войлочкѣ, ванизу по окружности обшивается узкимъ серебристымъ позументомъ, „зола“ пришивается на макушкѣ въ видѣ кисточки болѣе или менѣе густой. Замужнія женщины носятъ „балгунъ-махлай“, околышъ которой шьется изъ какого-нибудь мѣха, а верхушка или дно изъ матеріи краснаго или желтаго цвѣта. Послѣдняя имѣеть выпуклую четырехгранную форму и оканчивается черною кистью изъ конскихъ волосъ около четверти въ длину. Старухи покрываютъ головы „хаджилга“ наподобіе кабардинскихъ папахъ желтаго цвѣта, но съ красной кисточкой на обычномъ мѣстѣ. Всѣ означенныя шапки носятъ по большей части при торжественныхъ случаяхъ. Обычнымъ головнымъ уборомъ для калмычекъ служитъ „шумулдыкъ-махлай“ въ родѣ татарскихъ тюбетеекъ. Онѣ шьются изъ желтой матеріи съ красной кисточкой и съ краснымъ околышемъ, или же изъ красной матеріи съ чернымъ околышемъ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ „тегрикъ-махлай“ изъ желтой матеріи въ родѣ уланской шапки или кепки. Верхъ у ней четырехъугольный съ красной пуговкой, помѣщенной въ красной кисточкѣ. Тегрикъ-махлай носятъ и муцины. Хувараки лѣтомъ носятъ „терсыкъ-махлай“ въ родѣ шляпы съ широкими полями. Она дѣлается изъ желтаго сукна или войлока съ красной кисточкой. Если поля такой шляпы опушены куньимъ или лисьимъ мѣхомъ, то она называется „сикюръ-махлай“. Обѣ эти шапки утверждаются только на макушку головы, поэтому онѣ при-

крѣпляются къ головѣ особыми тесемками или шнурками. Впрочемъ означенныя шапки носятъ только высшіе хувараки, каковы гелюнги и бакши; остальные хувараки—гецюли и мандники надѣваютъ „торчокъ“, который уже описанъ, но больше извѣстенъ подъ именемъ „тирцикъ“. Въ зимнее время хувараки, какъ и всѣ калмыки, носятъ „бишличе-махлай“, которая шьется изъ шкуръ домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей. Изъ внимательнаго разсмотрѣнія различныхъ видовъ махлай открывается, что преобладающій цвѣтъ въ калмыцкихъ шапкахъ желтый, но на кисточкѣ красный. Это имѣетъ историческое и религіозное основаніе. Извѣстно, что въ XIV вѣкѣ Цзонхова (побольшедербетовски Зункова), реформаторъ буддизма, положилъ начало сектѣ желтошапочниковъ „—шара махалата“, къ которымъ принадлежатъ и наши калмыки. Красная кисточка означаетъ, что простой народъ недостаточно постигъ ученіе своей секты. На семь основаніи манжики носятъ красныя шапочки съ желтой кисточкой. Высшіе хувараки носятъ шапки хотя и желтаго цвѣта, но съ красной кисточкой, въ знакъ смиреннаго сознанія, что они, несмотря на свою ученость, все таки не вполне понимаютъ глубокія истины буддійскаго ученія. Во время религіозныхъ процессій калмыки являлись дѣйствующими лицами, носятъ особаго рода шапки, извѣстныя подъ общимъ именемъ „данжикъ“. Самую распространенную форму данжика служитъ вѣнецъ съ пятью бу-мажными дощечками, на которыхъ изображены пять бурхановъ: 1) Бирузана съ тѣломъ синяго цвѣта, 2) Акшобья—бѣлаго цвѣта, 3) Ратна-санбава—желтаго цвѣта, 4) Абида—краснаго цвѣта, 5) Амогосидда—зеленаго цвѣта. Другою заурядною формою данжика является колпакъ конической формы съ загибомъ на макушкѣ въ видѣ крючка. Онъ дѣлается изъ таго сукна безъ всякихъ украшеній и рисунковъ. Данжикъ бываетъ и металлическій, но въ такомъ случаѣ ему придаютъ форму или овальную съ двумя рогами, или коническую, или шестигранную, и называется еще „джатакъ“. Наконецъ „данжикъ“ принимаетъ форму татарской тюбетейки съ султаномъ изъ конскихъ волосъ на макушкѣ. Тогда онъ имѣетъ и особое названіе „чжадбонъ“. Тюбетейка, которая служитъ основаніемъ чжадбона, шьется изъ черной парчи и покрываетъ макушку головы. Поверхъ тюбетейки нашивается пучекъ конскаго волоса. Этотъ пучекъ въ трехъ мѣстахъ обхватывается коль-

цами изъ газета и заканчивается шарикомъ, а поэтому принимаетъ стоячее положеніе, почти отвѣсное по отношенію къ головѣ. Къ тибетейкѣ около затылка пришивается другой пучекъ изъ черныхъ нитокъ, которыя спускаются въ видѣ трехъ распущенныхъ косъ: одна назадъ, а двѣ на грудь чрезъ плечи. Джодбонъ привязывается двумя лентами, которыя пришиваются къ нему по бокамъ около ушей.

Нижняя одежда общая у всѣхъ калмыковъ безъ различія есть „киликъ“, т. е., рубашка, только она больше похожа на женскую кофту безъ пуговиць, чѣмъ на рубашку. Киликъ шьется изъ бѣлой матеріи будетъ ли то коленкоръ, или холстъ, или тивтикъ. Богатые носятъ киликъ, расшитый узорами по подолу и полы его затыкають за поясъ, которымъ они подпоясываются собственно для этой цѣли. Киликъ носятъ и хувараки, но у нихъ онъ называется „цатба“. Всѣ калмыки мужчины и женщины изъ мирянь надѣвають на ноги „шалбуръ“ или штаны. Они обыкновенно шьются изъ синей матеріи: кумачу, нанки, сукна и т. п. Если они имѣють ременный поясъ, то называются „дотонджи“. Зимніе штаны шьются изъ овчинъ и извѣстны подъ именемъ „ярыка“. Хувараки ходятъ безъ штановъ. Въмѣсто ихъ они надѣвають „бандзаль“. Это родъ женской юбки или русскаго сарафана изъ синей матеріи. На ноги калмыки всѣ безъ изъятія обувають „госунъ“ или сапоги. Они приготовляются для калмыковъ изъ черной кожи, а для калмычекъ и хувараковъ изъ красной. Калмыцкіе сапоги отличаются отъ русскихъ. Задники у нихъ бывають мягкіе, а каблуки двойные: одинъ каблукъ, какъ у насъ, подбивается снаружи гвоздями съ подковкой, другой устраивается въ срединѣ сапога и оканчивается на высотѣ закаблущья. Шьютъ сапоги женщины жилами разныхъ животныхъ, а потому они отличаются необыкновенною прочностію. Сапоги шьются безъ калошъ. Сапоги носятъ, обувши ноги предварительно въ шерстяные или мѣховые чулки — „ѳмѳонъ“ или въ холщевые онучи — „цугла“. Въмѣсто этого калмыцкая молодежь надѣваетъ и русскіе чулки, изъ цыганъ — йасынъ. Калмычка, перешедшая отроческой возрастъ, не довольствуется киликомъ, который при широтѣ своего ворота легко обнажаетъ грудь, и надѣваетъ еще особый корсетъ, весьма похожій на нашу жилетку, такъ называемый „хаядукчи-киликъ“ (двойная или вторая рубашка) Эта рубашка придаетъ корпусу талію и въ то же время сглаживаетъ есте-

7
ственные выпуклости груди, вслѣдствіе чего грудь калмычки кажется плоскою и ровною. Сверхъ жилета дѣвица надѣваетъ „берзе“ или „бизи“. Такъ называется дѣвичье платье съ длинными рукавами. Рукава заканчиваются обшлагами и пришиваются къ фуфайкѣ только наполовину, такъ что отъ плечъ до локтя они остаются нешитыми и имѣютъ отверстіе или прорѣху, чрезъ которую виднѣются рукава нижней рубашки. Женское верхнее платье составляетъ „кутцыкъ“ въ родѣ капота русскихъ женщинъ, но безъ рукавовъ и съ разрѣзомъ на груди до пояса, и застегивается пуговицами изъ коралловъ. Пуговицы бывають краснаго цвѣта и имѣютъ овальную форму. вмѣсто петель служатъ ремешки тщательной работы. Верхняя пола сей одежды по груди вышивается различными узорами, сообразно со вкусомъ обладательницы кутцыка. Надѣвъ такое платье, калмычка подпоясывается суконнымъ или изъ другой матеріи кушачкомъ, обшитымъ мишурнымъ глизетомъ или галуномъ серебристаго цвѣта. Кутцыкъ же по большей части бываетъ изъ краснаго кумача. За кушачекъ съ лѣвой стороны засовывается однимъ угломъ носовой платокъ—„алчуръ“, ибо платье калмычки шьется безъ кармана. Кольца—„билъвцикъ“ дополняютъ нарядъ дѣвицъ, которыя носятъ ихъ на мизинцахъ и не болѣе четырехъ; нѣкоторыя изъ нихъ надѣвають браслетъ—„бугу“. съ выходомъ дѣвицы замужъ нарядъ ея измѣняется. Само собою разумѣется, что ревивый жилетъ бросается, кольца съ мизинца переходятъ на безымянный палецъ, берзе замѣняется „перликомъ“, но шапочка—„холвынъ махлай“, какъ единственное воспоминаніе дѣвчества, остается до перваго ребенка. Терликъ похожъ на берзе, но только съ тѣмъ отличіемъ, что воротникъ его выше, и рукава его шивають во всю длину. Если терикъ имѣетъ карманъ, то онъ называется просто „хубуцунъ“ (одежда). Его носятъ старухи. Впрочемъ старухи надѣвають и другую одежду—„лапшикъ“. Лапшикъ весьма похожъ на халатъ и шьется изъ краснаго или синяго кумачу. Если лапшикъ бываетъ сшитъ изъ синяго сукна, то онъ называется „юрмче“. Какъ лабшикъ, такъ и юрмче не имѣютъ пуговицъ, а поѣтому запахиваються кушачкомъ. Точно такого же приготовления, какъ и красный халатъ, есть одежда у хувараковъ. Эта одежда извѣстна подъ именемъ „номту дебелъ“ или просто „дебелъ“. Дебелъ они надѣвають поверхъ курмы (родъ женской кофты съ длинными рукавами) и подпоясываются поясомъ въ

видѣ узкаго и длиннаго полотенца изъ краснаго кумачу. Обыкновенная русская шуба или мѣховая тулупъ называется „дебень“. Верхнюю одежду для мужчинъ составляетъ „бешметъ“ или „бюшмятъ“, который весьма походитъ на русскій казакинъ однобортный и шьется изъ синей нанки. Онъ застегивается на груди петельками на маленькія пуговики. Петельки и пуговики дѣлаются изъ матеріи. Праздничный бешметъ шьется изъ какой либо цѣнной матеріи и бываетъ различнаго цвѣта, а иногда имѣетъ вставную грудь вмѣсто русской манишки или крахмальной рубашки. Бешметъ стягивается у таліи ремнемъ съ серебряными или металлическими насѣчками. Ремень или „суръ“ дѣлится весьма дорого, такъ какъ готовится не здѣсь, а привозится армянами съ Кавказа. Въслѣдствіе сего калмыки его берегутъ, и онъ переходитъ изъ рода въ родъ; отецъ передаетъ старшему сыну и такъ далѣе. Суру придается весьма важное значеніе. Безъ него нельзя стоять предъ старшими себя, какъ то: предъ отцомъ, матерью, теткой, дядей, найономъ, заисангомъ и т. п.; застать калмыка безъ пояса то же, что у насъ застать безъ халата. Почти у каждаго калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга круглой формы, а женщины носятъ серьги, которыя имѣютъ форму равносторонняго треугольника. Зимой калмыки носятъ „яргакъ“ двухбортный изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ. Хувараки, должны имѣть „занчи“ — мантию разныхъ цвѣтовъ; кромѣ описанныхъ одеждъ, и бакши преимущественно „цабари“ или мѣшечекъ квадратной формы, для храненія аршана (освященной воды) во фляжкѣ; „гунъ-тукъ“ т. е., небольшую книжку, которая носится за пазухой для того, чтобы благославлять. Калмыки всѣхъ сословіи безъ различія пола на шеѣ носятъ „бу“. Такъ называется кожаная сумочка на шнуркѣ; въ ней зашиты лепестки бумажки съ таинственными изображеніями и молитвами и металлическое изображеніе какого-либо бурхана. Калмыки во время пути надѣваютъ бу поверхъ всѣхъ одеждъ и притомъ такъ, что бу виситъ на спицѣ, а не на груди. При жреческомъ служеніи высшіе хувараки поверхъ обычныхъ одеждъ перекидываютъ чрезъ правое плечо, „оркомдони“ и завязываютъ его при лѣвомъ бедрѣ. Оркомдони походитъ на длинное и узкое полотенце и бываетъ различнаго цвѣта. Гелюнги носятъ оркомдони больше краснаго цвѣта, а бакши — свѣтложелтаго цвѣта. При докшитскомъ служеніи гелюнги поверхъ житейскихъ своихъ одеждъ надѣваютъ: 1) на

чресла „тангу-малъ“ или „мадъикъ“ въ родѣ женской юбки и сарафана изъ разноцвѣтной парчи съ различными полосами гантовъ, а иногда и съ бахромой по подолу; на плечи „эринге“ или „дойкъ“, т. е., кофту безъ рукавовъ въ родѣ дамской пелеринки съ пятью разноцвѣтными фестонами—синимъ, бѣлымъ, краснымъ, желтымъ и зеленымъ; на голову „чжодбонъ“ или „данжикъ“, уже извѣстный намъ подпоясывается „гарько“ или свѣтложелтымъ поясомъ въ родѣ крестьянскаго кушака. Во время праздника „Окинъ-тенгри“ калмыки-простолюдины были одѣты въ шутовскія одежды. Тотъ, который вель священнаго коня подъ уздцы, былъ одѣтъ въ „памятникъ“, т. е. разноцвѣтный женскій капотъ съ широкимъ воротомъ: спитъ онъ былъ изъ тончайшей матеріи и безъ разрѣза напередѣ. Калмыкъ, который держалъ коня за хвостъ, былъ одѣтъ въ „лагу“. Лагу совершенно тождественъ съ одѣяніемъ нашихъ клоуновъ. Остальные восемь калмыковъ были одѣты въ рыцарскіе доспѣхи. На нихъ можно было встрѣтить и латы, и шлемы, и кольчуги, и пожарныя каски, и ружья, и пр., и пр., Есть у калмыковъ и служебныя одежды. Владѣлецъ, зайсанги и заргачи (судья) при отправленіи своихъ обязанностей надѣваютъ на голову обыкновенную чиновничью фуражку съ кокардой вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, на туловище кафтанъ въ видѣ бешмета, на ноги брюки съ кантомъ указаннаго министерства и сапоги съ лакированными голенищами. Всѣ эти одежды называются именами соответствующихъ имъ житейскихъ одеждъ, съ которыми они имѣютъ большее сходство, съ прибавленіемъ слова: „йехе“ (великій), такъ напримѣръ фуражка называется „йехе махлай“, кафтанъ—„йехе бешметъ“, брюки „йехе шамбуръ“, сапоги „йехе гасунъ“, крещенные калмыки въ своемъ одѣянн ничѣмъ не отличаются отъ своихъ некрещеныхъ собратій, особенно крѣпко держатъ старинныя женщины. Мужчины начинаютъ носить русскія рубахи, русскіе штаны, русскіе шапки, русскіе сапоги, русскіе кафтаны и тому подобное. Дѣти по прежнему бѣгаютъ вагишомъ, а если одѣваются, то больше по русски. Пищу калмыковъ можно раздѣлить на молочную и мясную на постную и скоромную. Калмыки содержатъ „мацакъ“ (постъ) три раза въ мѣсяцъ: 8, 15 и 29 или 30 дня. Въ нихъ, по буддійской каноникѣ, не полагается ѣсть ничего мясного, особенно конины, ничего опьяняющаго или хмѣльнаго. Во дни

мацака набожные калмыки питаются одною молочною пищею, что и составляет тѣлесный постъ. Болѣе религіозные, такъ сказать ревнители ламаизма даже и этой пищи не употребляютъ, впрочемъ только до вечера, и такимъ образомъ соблюдаютъ абсолютный постъ. Слѣдовательно, молочная пища, по мнѣнію калмыковъ, есть пища постная, а мясная—скоромная. Молочная пища получается изъ молока коровьяго, овечьяго, или кобыльяго. Коровъ калмычки доятъ по нѣскольку разъ въ день. Коровъ онѣ не обмываютъ вымя, а припускаютъ теленка и, лишь только теленокъ немного пососеть, отогнавши его, начинаютъ доить. Точно такимъ же образомъ калмычки доятъ и кобыль, а также и овецъ. Свѣжее коровье молоко, по-калмыцки юкюрійнь-юсюнь и кобылье молоко—гююнь-юсюнь рѣдко употребляются въ нормальномъ видѣ, а большею частію уже въ переработанномъ. Только что сдоенное молоко калмычки вливаютъ въ кожаные мѣшки (архытъ) и оставляютъ его въ нихъ на день и болѣе. Послѣ сего изъ коровьяго молока чрезъ закисаніе и броженіе получается „арьянь“ (кумысь), а изъ кобыльяго—„чиганъ“ (кумысь). Арьянь и чиганъ калмыки употребляютъ, какъ пищу, или же копятъ для выкуриванія калмыцкой водки, извѣстной подъ именемъ „арака“, или „арке (и)“, или „рака“. Для сего берутъ два равныхъ котла: одинъ ставятъ на таганъ, а другой въ корыто съ водой или снѣгомъ; въ первый наливаютъ чиганъ съ арьяномъ, а другой остается пустымъ. Оба котла накрываются деревянными крышками съ дырочками и соединяются между собою чрезъ среднія отверстія крышекъ при посредствѣ деревянной трубки. Затѣмъ всѣ отверстія замазываются особымъ составомъ изъ глины или конскаго или коровьяго помета, за исключеніемъ двухъ дырочекъ на обоихъ крышкахъ, и тотчасъ же разводятъ сильный огонь. Лишь только покажется синій огонекъ изъ кипящаго котла, замазываютъ и эти дырочки. Часа черезъ $1\frac{1}{2}$ почти вся жидкость изъ одного котла перейдетъ въ другой. Она имѣетъ цвѣтъ обыкновенной хлѣбной водки и имѣетъ 20° по гигрометру или спиртометру С. Потребители калмыцкой водки, если упьются, чувствуютъ сильную боль въ головѣ на другой день и даже на третій. Въ это время они ходятъ, какъ угорѣлые. Вотъ какъ сильно дѣйствуетъ на организмъ человѣка калмыцкая водка! Не смотря на ея разрушительное дѣйствіе, калмыки всѣ безъ различія большіе любите-

ли ея. Выкуриваніе водки пріятно для нихъ. Не успѣла водка остынуть, а потребителей ея собралось много—чуть не со всего хотона. Ибо каждый хозяинъ въ день, назначенный для выкуриванія, приглашаетъ своихъ однохотонцевъ къ себѣ въ гости. Въ свою очередь и самъ надѣется быть приглашеннымъ на попойку соблазнительной влаги. Но вотъ водка готова. Хозяйка беретъ „шавга“ и наливаетъ каждому присутствующему въ его „агу“, начиная со старшаго и соблюдая строгое чинопочиніе. Само собою разумѣется, что первая чашка водки приносится въ жертву бурханамъ, для чего она ставится въ особой чашечкѣ на большой баранъ. Какъ бы много водки ни было, гости пьютъ до послѣдней капли. Пьютъ старики, пьютъ мужчины, пьютъ старухи, пьютъ женщины, пьютъ дѣвицы, пьютъ ребятишки, пьютъ всѣ безъ изыятія. Калмыки такъ привыкли къ водкѣ, что всѣ молочные продукты стараются обращать въ нее. Вторично перегнанная „арака“ называется „арза“ и даетъ уже болѣе крѣпкую водку въ 40°. Если арзу перегнать, то выйдетъ уже настоящій спиртъ въ 60°—„хорзо“. Если и хорзо перегнать, то получится „хорунъ“, что въ переводѣ значитъ двойной, т. е., двойной спиртъ—почти настоящій ядъ. Послѣдняго калмыки не употребляютъ, а держатъ, какъ отраву. При выкуриваніи арки, а тѣмъ болѣе арзы, остается густая жижа, называемая калмыками „бозо“ или „буза“ (брага). Они ее не бросаютъ, но употребляютъ различнымъ образомъ: если смѣшать бозо съ прѣснымъ молокомъ, то получается „семдыкъ“ въ родѣ жидкой кашицы, которою питаются дѣти; если бозо смѣшать съ кислымъ молокомъ, то получится „тѣлѣнь“; если въ бозо налить холоднаго прѣснаго молока, то часа черезъ 4 наверхъ всплывутъ кусочки масла въ видѣ пѣнки, что и называется „маханъ семдыкъ“ (мясной семдыкъ); въ чистомъ видѣ бозо употребляется для выдѣлки кожъ и мерлушекъ; наконецъ, изъ бозо приговляется „куртъ-хурсунъ“ или сыръ. Для сего бозо вливается въ архты и подвергается броженію. Черезъ нѣскольکو дней бозо твердѣетъ и тогда получается бѣловатое тѣсто, которое разрѣзаютъ на куски и сушатъ на солнцѣ. Вотъ куртъ-хурсунъ и готовъ. Съ виду онъ сѣрожелтоватъ, а на вкусъ кисель. Это, нужно сказать, самое полезное кушанье, приготовляемое изъ молока. Куртъ-хурсунъ лѣтомъ въ дорогѣ незамѣнимъ: онъ утоляетъ голодь и жажду въ пустынныхъ и

безводных мѣстахъ и не портится отъ жары солнечной. Калмыки заготавливаютъ его на зиму тѣмъ болѣе, что онъ не гниетъ въ засушенномъ видѣ. Въ такомъ случаѣ кусочкамъ сыра придаютъ овальную форму и меньше дѣлаютъ по объему. Такой сыръ называется „шуйрмыкъ“. Если въ свѣжее молоко бросить немного бозо и затѣмъ подвергнуть молоко нагрѣванію на слабомъ огнѣ, то скоро на поверхности молока образуется пѣнка „өрөмө“, если снять, то получится „икишлинг-өрөм“, или кислая сметана; но калмыцкая сметана отличается отъ русской тѣмъ, что въ ней содержатся масляныя вещества уже въ топленомъ видѣ. Её калмычки мѣшаютъ палкой или мутовкой до тѣхъ поръ, пока не получится топленое масло—„тосонъ“. Изъ овечьего молока готовится сладковатый сыр—„өйзге“, который готовится, какъ и куртъ-хурсунъ, но имѣетъ форму небольшихъ шариковъ. Изъ арьяна выдѣлывается новый сыръ „кююрцюкъ“, однородный съ шуйртыкомъ. Изъ молочныхъ продуктовъ съ примѣсью муки калмычки готовятъ: 1) буданъ, 2) булдукъ, 3) боорцукъ, 4) мошкоморъ, 5) хамхытъ-боорцукъ и 6) будунгъ. Буданъ это похлебка, приготовленная изъ ржаной муки и шуйрмука на соленой водѣ. Смѣсь эту болтаютъ и варятъ обыкновеннымъ образомъ. Булдукъ печется изъ тѣста съ примѣсью калмыцкаго масла или въ видѣ небольшихъ, но толстыхъ лепешекъ. Боорцукъ то-же лепешки, приготовленные изъ ржаного или пшеничнаго тѣста и смѣшанныя съ бараньимъ саломъ. Мошкоморъ походитъ по формѣ на наши макароны, а по вкусу на „хворосты“. Мошкоморъ готовится изъ пшеничной муки и овечьего сыра и жарится на бараньемъ салѣ. Хаенхытъ-боорцукъ стряпается въ родѣ оладій. Будингъ есть особаго вида лепешки, приготовленные изъ пшеничной муки съ медомъ на коровьемъ маслѣ. Изъ одной муки готовятся „булсунгъ гуюръ“ (лепешки) и „цельсекъ“ (блины), а нѣкоторыя пекутъ и хлѣбъ—„өдөмөкъ“.

Мясная или скоромная пища готовится изъ мяса домашнихъ животныхъ, дикихъ звѣрей и птицъ. Мясо у калмыковъ носитъ различныя названія: „юкюрійнъ—маханъ“ (говядина), „мөрини маханъ“ (кобылятина), „хөни маханъ“ (баранина), „гахайн маханъ“ (свинина), „таканъ маханъ“ (курятина), „гунгійнъ маханъ“ (гусятина), „нугусуни маханъ“ (утятина), короче говоря, къ „слову маханъ“ прибавляется роде-

пейскія, приготовленные изъ европейскихъ яицъ.

ое (понятіе) имя въ родительномъ подежѣ того животнаго котораго мясо хотять обозначить. Калмыки большіе охотники до всякаго мяса. Они ѣдятъ даже мясо дикихъ звѣрей,—въ родѣ волчьяго. Извѣстно также, что калмыки ѣдятъ падаль, т. е., дохлую скотину. Тѣмъ не менѣе калмыки не любятъ рѣзать здороваго скота безъ нужды: это считается у нихъ неразумнымъ. Калмыкъ, обыкновенно, колеть то животное, которое начинаетъ хворать или уже очень устарѣло. Если онъ рѣжетъ животное, то старается не выпускать изъ него всей крови, увѣряя, что безъ крови мясо и не вкусно, и непитательно. Поэтому калмыкъ, какъ только оглушить животное, распарываетъ ему животъ такъ, чтобы просунуть свою руку прямо къ сердцу оглушеннаго до смерти животнаго, и давить сердце до тѣхъ поръ, пока животное не издохнетъ и не остынетъ. Послѣ сего снимается шкура, и маханъ распластывается по частямъ. Мясо калмыки варять по большей части въ простой водѣ и безъ соли. Воды льется столько, чтобы она закрыло мясо, положенное въ котель для варки. Мясо никогда не переваривается: покипитъ немного и кушанье готово. Тотчасъ же мясо вынимается и крошится на куски. Каждому подается свой кусокъ, начиная съ главы семейства; первый кусокъ приносится въ жертву бурханамъ. Оставшійся болонъ называется „шулюмъ“ и съѣдается уже послѣ всего. Онъ бываетъ весьма жиренъ. Его калмыки не хлебають, а пьютъ изъ своихъ чашекъ, какъ напитокъ. Иногда же мясо жарится: въ такомъ случаѣ оно предварительно разрѣзывается на мелкіе кусочки и потомъ уже обжаривается въ бараньемъ салѣ на сковородѣ. Хотя оно бываетъ несолено, но его можно ѣсть и русскому человѣку. Мнѣ пришлось ѣсть его безъ хлѣба въ Оргокинскомъ хурулѣ. Когда мяса бываетъ много, то калмыки заготавливаютъ его для зимы слѣдующимъ способомъ. Калмыки, отдѣливъ мясо отъ костей и жилъ, разрѣзаютъ его на тонкія, но длинныя ленты, обмакиваютъ въ калятокъ пресыщенный солью, и сушатъ на солнцѣ или же вялятъ на вѣтрѣ. Лучшія части мяса въ родѣ грудинки, подреберья и вымя онѣ сверхъ того коптятъ въ густомъ дымѣ. Но самымъ лучшимъ мяснымъ кушаньемъ считается барашекъ, разваренный цѣлкомъ въ арьянѣ въ моментъ выкуриванія арки. Точно такимъ же способомъ въ торжественныхъ случаяхъ готовится цѣлый теленокъ или жеребенокъ. Нѣкоторые калмыки изъ

цаганъ—йасынъ изъ мяса готовятъ русскія щи—, хабстани шёлонъ“. Они же изъ мяса готовятъ разнаго рода колбасу. Всѣ виды колбасы готовятъ на одинъ манеръ мясо крошатъ, какъ може мельче; поджариваютъ съ кусочками сала и жира, набиваютъ ими кишки животныхъ, варятъ въ салѣ, коптятъ и вялятъ. Лучшая колбаса, по увѣренію калмыковъ, получается изъ мяса дикихъ кабановъ, а также изъ мяса домашнихъ свиней и овечьихъ кюрдюковъ. Универсальною пищею калмыка служитъ калмыцкій чай, именуемый калмыками „цѣй“. Калмыцкій чай дѣлается въ Китаѣ изъ чайныхъ листьевъ ниснаго сорта въ видѣ продолговатыхъ четырехгранныхъ дощечекъ около $\frac{1}{2}$ аршина въ длину, около $\frac{1}{4}$ аршина въ ширину и въ $\frac{1}{2}$ вершка въ толщину. Калмыки покупаютъ чай у торговцевъ, платя за каждую плитку по 2 рубля. Для приготовленія чая плитки скоблятся и получается чайный порошокъ. Чай варится въ соленой водѣ съ молокомъ. Чай въ настоящее время широко распространяется все болѣе и болѣе. Большинство пьетъ исключительно однимъ чаемъ. Калмыки пьютъ его два раза въ день: утромъ и вечеромъ, а иногда и больше того. Чай калмыку замѣняетъ пищу и питье. Иб онъ, раздобленный молокомъ и масломъ, весьма питателенъ, тѣмъ болѣе, что калмыки пьютъ его съ сухарями изъ бѣлаго или чернаго хлѣба; въ то же время онъ, какъ жидкость, утоляетъ жажду. Богачи для запаха и вкуса варятъ чай съ мускатнымъ орѣхомъ, который придаетъ чаю ароматный запахъ и пріятный вкусъ. Сухари они покупаютъ у русскихъ. Присмотрѣвшись пристально къ калмыцкимъ кушаньямъ, приходится заключить что калмыки Большедербетовскаго улуса почти такъ же ѣдятъ и пьютъ, какъ водни Чингисхана. Цивилизація весьма туго къ нимъ прививается. Впрочемъ крещеные калмыки и калмыцкая аристократія значительно подвинулись впередъ. У крещеныхъ калмыковъ можно видѣть русскій хлѣбъ (одомбъ), русскія щи (хабстани—шёлонъ), русскую кашу (сакса) и т. п.

Нѣкоторые изъ крещеныхъ калмычекъ точно такимъ же образомъ настаиваютъ сливки и сметану, какъ и русскія женщины поэтому у нихъ масло получается сначала чухонско е, потомъ уже топленое; бываетъ также и сливочное масло. Унойона Гахаева и зайсанга Лацинова русскій посѣтитель Большедербетовскаго улуса можетъ встрѣтить кушанья чисто европейскія, приготовленныя на европейскій ладъ.

Обычную пищу хуvaraковъ составляетъ чай и кумысъ. Утромъ, лишь только взойдетъ солнце на горизонтъ, раздается бой въ „харанга“ (барабанъ), хуvaraки спѣшаютъ въ хуруль. Сдѣлавъ обычное хожденіе вокругъ хурула, начинаютъ пить калмыцкій чай. Каждый пьетъ столько, сколько душѣ его угодно. Послѣ чаепитія нѣсколько помолются и расходятся по своимъ домамъ. Въ полдень на барабанный бой тоже въ хуруль и на этотъ разъ пьютъ уже кумысъ. Вечеромъ пьютъ калмыцкій чай. На слѣдующій день та же процедура. Итакъ изо дня въ день. Въ праздничные дни хуvaraкамъ въ полдень подается вареное мясо и арака. Вотъ напримѣръ, какъ происходилъ обѣдъ въ первый день праздника „Окинъ—тангри“, который въ нынѣшнемъ 1892 году былъ 20-го іюля. Первѣе всего подали по куску варенаго мяса, но безъ соли; затѣмъ по чаркѣ калмыцкой водкѣ и наконецъ началось угощеніе чаемъ съ баранками или кренделями изъ пшеничной муки 2-го сорта. Въ качествѣ, такъ сказать, десерта было пожертвовано каждому присутствующему по 15 копѣекъ серебряной монетой. Такимъ образомъ отгрывается, что хуvaraки вовсе не употребляютъ хлѣба. Многіе изъ нихъ мнѣ говорили, что они съ болѣею пріятностію ѣдятъ пищу безъ хлѣба, чѣмъ съ хлѣбомъ.

Среди калмыковъ Большедербетовскаго улуса сильно развито гостепрѣимство, и отсюда вытекающія дружелюбіе и общительность. Гостепрѣимный и радушный пріемъ можно встрѣтить въ каждой кибиткѣ. Всякаго посѣтителя ласковый хозяинъ старается угостить кумысомъ или калмыцкимъ чаемъ. Если гость остается на день или болѣе, то гостепрѣимный хозяинъ спѣшитъ заколотъ хорошаго барана, котораго часа черезъ два или три уже подаютъ кушать. Ибо калмки весьма проворно рѣжутъ животныхъ, не менѣе проворно калмычки жарятъ или варятъ мясо. Во имя того же гостепрѣимства калмыки съ большою охотою отвѣчаютъ на всѣ распросы, лишь бы чрезъ это сдѣлать пріятное гостю; все показываютъ и рассказываютъ, какъ знаютъ, лишь бы гость остался доволенъ и не скучалъ. Равнымъ образомъ другъ къ другу они относятся весьма дружелюбно и всячески стараются помогать нуждающимся изъ своей братіи. По каковой причинѣ среди калмыковъ вовсе нѣтъ нищихъ въ родѣ нашихъ попрошаекъ. Ибо каждый калмыкъ, по чему либо обѣднѣвшій, всегда найдетъ

поддержку. Нечего ему ѣсть, бѣднякъ входитъ въ любую кибитку и располагается въ ней, какъ членъ семьи. Если пьютъ чай, то и онъ получаетъ должную часть; если ѣдятъ махань, то и ему дадутъ лакомый кусокъ, какъ гостю. Иногда даже нарочито калмыкъ созываетъ своихъ сосѣдей, если у него много водки или по чему либо онъ убилъ скотинину. Всѣ присутствующіе, какъ гости, съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ угощаются всѣмъ, что есть съѣдобнаго. Хозяйка калмыка старается убоготворить своихъ гостей всемъ, что только у ней есть съѣдобное и лакомое. Гости, изрядно покушавъ, расходятся по своимъ кибиткамъ, не считая долгомъ поблагодарить хозяевъ за гостепрѣимство, какъ бы онъ кушалъ свое или должное. Точно такимъ же гостепрѣимствомъ отличаются и хуvaraки. Я во всѣхъ хурулахъ встрѣтилъ радушный пріемъ. Безъ всякаго стѣсненія мнѣ показывали хуруль, кибитки и все, что меня интересовало; хотя я иногда прѣзжалъ въ то время, когда хуруль былъ уже запертъ. Услужливые манжики и гецюли, по моей просьбѣ, играли на музыкальныхъ инструментахъ, а гелюнги рассказывали объ употребленіи священныхъ вещей и предметовъ, какъ знали. Жаль, что большинство изъ нихъ оказались малосвѣдующими по своей специальности. Главный бакша Санжи Ивановъ, узнавъ, что я остановился въ его хурулѣ у гелюнга Батыря, на другой же день пригласилъ меня къ себѣ пить чай. И съ тѣхъ поръ во все время моего пребыванія въ Лапинскомъ хурулѣ я ежедневно встрѣчалъ радушный пріемъ у бакши. Желая оказать свое радушіе, бакша велѣлъ достать кофе, кофейникъ, спиртуозку, сухари и прочее. Но такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ, какъ готовится кофе, то пришлось мнѣ предварительно научить гецюля, прислуживавшаго при бакшѣ, и потомъ уже кушать. Замѣтивъ мое любопытство къ его помѣщенію, бакша показалъ всѣ свои драгоценности и подарки, которые ему были поднесены въ разное время его почитателями. Во имя своего душевнаго гостепрѣимства онъ показалъ всѣ свои рукописныя книги и записки. Во время праздника „Окинъ—тенгри“ бакша отвелъ мнѣ почетное мѣсто въ хурулѣ, такъ что я съ большимъ удобствомъ могъ наблюдать за ходомъ религіознаго праздника. Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ бакши проглядывало желаніе, чтобы я остался доволенъ гостепрѣимствомъ.

Также сильно среди калмыковъ укоренилась любопытство и любознательность. Не успѣли мы пріѣхать въ Княгемихайловскій поселокъ, явились чуть не всѣ калмыки поселка и начались распросы: кто пріѣхалъ, зачѣмъ и т. п. Та же процедура повторялась, когда приходилось заѣзжать въ хотонъ и въ хурулъ; даже на по товой станціи, если была задержка въ лошадяхъ, не оставляли въ покоѣ своими распросами калмыки ближайшаго хотона. Интересовались калмыки всею или, лучше сказать, тѣмъ, что слушаютъ чужую рѣчь. Говори имъ, о чемъ хочешь, они съ любопытствомъ и вниманіемъ будутъ слушать, хотя, быть можетъ, и половину иного не поймутъ. Наскучить иногда говорить, но калмыки не скучаютъ, такъ что скорѣе можетъ притупиться вниманіе рассказчика, чѣмъ вниманіе слушающихъ. Калмыки будутъ стоять и слушать до тѣхъ поръ, пока слышатъ рѣчь. Бывало, едва на время замолчишь, какъ они снова заставляютъ говорить, предлагая новые вопросы. Особенно всѣхъ ихъ интересовало описаніе академіи и обученія въ ней. Имъ было любопытно и пріятно слышать, когда читались молитвы на калмыцкомъ языкѣ. У нѣкоторыхъ зайсанговъ и гелюнговъ приходилось встрѣчать калмыцкое Евангеліе перевода Шмидта, или Позднѣева. Только всѣ они увѣряли, что Евангеліе написано не совсѣмъ точнымъ калмыцкомъ языкомъ, котораго они не понимаютъ, потому что встрѣчается много оборотовъ и словъ рѣчи, въ живомъ разговорномъ языкѣ не употребительныхъ. Поэтому они неоднократно высказывали желаніе, чтобы съ теченіемъ времени появилось Евангеліе на чистомъ народномъ языкѣ. Еще сильнѣе калмыки выражали свое удовольствіе, если имъ приходилось слышать русскаго, говорящаго по калмыцки. Пристрастія къ любопытству и любознательности не могли скрыть и хувараки, хотя нѣкоторые изъ нихъ старались казаться равнодушными къ моимъ рассказамъ о русскомъ житьѣ-бытьѣ. Главный бакша былъ такъ любопытенъ, что выразилъ желаніе познакомиться съ православнымъ богослуженіемъ, съ со столичною и городскою жизнью и съ нѣкоторыми науками.

Обвиняютъ калмыковъ въ огульномъ воровствѣ, но это нужно понимать относительно. Дѣйствительно, калмыки склонны къ конорадству и скотократству, но отнюдь не къ похищенію вещей. Въ хотонѣ никогда не случалось, чтобы калмыкъ у калмыка украсть какую-либо вещь. Равнымъ образомъ про-

ѣзжающіе по калмыцкой степи могутъ быть вполне спокойны относительно своего багажа. Калмыкъ—извозчикъ въ цѣлости переложить съ одного тарантаса на другой, хотя бы тутъ были мелкія вещи, которыя легко утаить. Если случится оставить на ночлегъ у калмыка вещь, то калмыкъ постарается возвратить по принадлежности, хотя бы ему для этого пришлось догонять на нѣсколько верстъ. По крайней мѣрѣ мнѣ былъ представленъ ножикъ за 12 верстъ. Поэтому въ степи нѣтъ замковъ и все хранится просто. Если же калмыки и по нынѣшніе дни любятъ угонять скотъ и лошадей, то дѣлаютъ это по двумъ причинамъ: 1) чтобы показать свою удаль или 2) чтобы избавиться отъ голодной смерти. Часто случается, что удалая молодежь въ свободный день отправляется въ ближайшій хотонъ и тамъ у пастуха—ротозѣя угоняетъ скотъ, за что тотъ долженъ сдѣлать имъ приличное угощеніе, если желаетъ получить свой скотъ. Такіе отгоны иногда бываютъ по взаимному согласію. Есть даже особая калмыцкая игра— „сѣха кюргюю“ (брать дойныхъ коровъ), гдѣ требуется умѣнье потихоньку пробраться въ чужой хотонъ и удалиться оттуда незамѣченнымъ. Эта игра состоитъ въ томъ, что ночью нужно загнать дойныхъ коровъ или овецъ въ стадо своего партнера такъ, чтобы тотъ не услышалъ. Если калмыку удалось это устроить, то онъ на слѣдующій день угоняетъ своихъ и часть чужихъ животныхъ, за что потомъ получаетъ условленный кушъ. Если же ему не удалось провести своего партнера, то онъ самъ платитъ магарычъ и съ безсестіемъ препровождается въ своей хотонъ, т. е., его привязываютъ къ лошади лицомъ къ хвосту и такъ отправляютъ домой. Въ зимнее время, когда исеякаютъ мелочные продукты, калмыку приходится илапываться мясомъ. Вотъ тутъ то по недостатку своего мяса онъ отправляется на воровской промыселъ. Въ большинствѣ случаевъ на воровской заработокъ калмыки оправляются цѣлыми партіями. Гдѣ скота много и плохой надзоръ, они отгоняютъ по нѣсколькѣ штукъ, поспѣшно гонятъ въ свой хотонъ, немедленно рѣжутъ и съѣдаютъ, а шкуры изрубаютъ въ куски и закапываютъ въ землю, такъ что, если опоздать на нѣсколько часовъ, то и концевъ не найдешь. Сей привычки или ухватки не оставили и крещенные калмыки. Нерѣдко и они соблазняются даровымъ мясомъ и лакомымъ кушаньемъ. Вслѣдствіе этого замѣчено, что чѣмъ больше голоду, тѣмъ